

MAGIC XXV WORLD

ИРИНА ЛАЗАРЕНКО

МАГИЯ
ДРУЖБЫ

— Неизлечимые —

Волшебные Миры

Ирина Лазаренко

Магия дружбы

«Снежный Ком»

2018

Лазаренко И.

Магия дружбы / И. Лазаренко — «Снежный Ком»,
2018 — (Волшебные Миры)

ISBN 978-5-9500850-1-7

Никто не знает, сколько правды в историях про демонов, что понемногу захватывают и меняют землю. Ясно одно: мир становится иным, и охранявшие его духи уходят в другие края. Но мало кто верит в грозящую опасность. Между человечеством и чуждой угрозой остаются только маги. К тому же маги не всегда хорошо относятся к людям, а люди не всегда рады магам. Похоже на «Ведьмака» Сапковского? Да! Но здесь их пятеро – пятеро юных магов и магинь, отягощенных более собственными задачами, чем спасением мира. И что должно произойти, чтобы маги захотели принять на себя груз ответственности за целый мир? Встречайте первую книгу цикла «Неизлечимые», написанную в лучших традициях классической фэнтези!

ISBN 978-5-9500850-1-7

© Лазаренко И., 2018

© Снежный Ком, 2018

Содержание

Вопрос доверия (сразу после выпуска)	5
Фантомная травма (пять лет до выпуска)	21
На излом (месяц после выпуска)	42
Воплощение (четыре месяца после выпуска)	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ирина Лазаренко

Магия дружбы

Вопрос доверия (сразу после выпуска)

Нужно обратиться к магу за избавлением от этой напасти, ибо маги, хоть и не всесильные, обладают поразительными возможностями. К тому же они весьма дружелюбны, очень ответственны и никогда не оставят человека наедине с его бедой.

Из обращения жреца ортайского поселка к жителям

Жрец – осёл!

Написано пальцем на слое золы

Дом горел.

Шумно и дымно, под завывания ветра, который хватал горсти злых красных искр и пытался добросить их до крыш соседей.

Вокруг дома металась женщина, кричала, снова и снова рвалась внутрь, и всякий раз ее с руганью оттаскивали.

Речка была рядом, за околицей, туда-сюда бегали люди с ведрами, но вода бестолково лилась на стены, не доставая крыши.

– Р-разбежаться!

Никто не понял, откуда появились двое всадников – возникли как по волшебству среди суесящихся людей.

– Посторониться!

Всадники прыгнули наземь и принялись выкрикивать слова на незнакомом селянам напевном языке, раскидывать руки, словно большие встревоженные птицы. В первый вздох их приняли за безумцев, потом – за непотребцев, что пришли упиться чужим горем.

А потом на горящий дом полилась вода – размашистыми плесками, будто два пришлых человека таскали ее из реки в невидимых глазу ведрах.

– Маги! – наконец догадался кто-то.

Незнакомцы расхохотались, будто услышав отменную шутку.

А дом вел себя так, словно в него вселилась злая сущность, которой хотелось гореть: там и сям занимались уже погасшие части крыши, потом пламя рванулось из окон. Можно было поклясться, что огоньки норовят увернуться от плещущей воды. Ветер тоже озлился, бросался на людей с отчаянной силой, и те пригибались, щурились, задерживали дыхание. С треском рухнула часть крыши.

– Сбоку, гляди, из окон! – орал один маг другому, и в голосе его был непонятный, неподдельный восторг.

Люди тоже что-то кричали, но маги не слышали их голосов за воем огня и ветра, за рыданиями женщины.

– Ох и силен! А два ведра махом? Слабо?

– Мне-то слабо? А вот тебе!

Вокруг дома натекали лужи, маги продолжали призывать воду из речки, а в их голосах, выкрикивающих заклинания, звучал чистейший, почти детский задор.

И пожар сдался. Перестали проклевываться новые огоньки, подуспокоился ветер – словно недобрая невидимая сила сдалась двоим неутомимым магам, решила восполнить неудачу в другой раз.

Огонь затух, по стенам лилось, утихающий ветер нес по селу клоки дыма.

Черпнув из реки еще по разу, маги уgomонились, отступили. Утирали лбы, тяжело дыша, словно не колдовали, а бегали с ведрами. Одинаково мотали головами, и их длинные волосы, темные у человека и светлые у эльфа, закрывали лица. Потом оглядывались вокруг с гордостью, будто говоря: «Как мы его, а?»

Селяне глядели на магов восхищенно и снизу вверх, потому что оба были выше местных жителей.

Наступившую тишину пронзительно и жутко вскрыл женский крик. Он взвился: «Матушка, матушка!» – и тут же упал, перейдя в тяжелый нечеловеческий вой.

Женщина была грузная и простоволосая, сидела прямо на земле, край длинной юбки – в луже. Сидела, подавшись вперед, смотрела на свою выжженную хату и выла.

Прежде это был хороший дом, большой, аккуратный, чистый. Строился и обживался с любовью, не был обделен ни добром, ни уходом. Теперь на его месте дымило безобразие: почерневшее, вонючее, перекошенное.

– Он похож на мертвягу, – темноволосый маг дернул эльфа за рукав. – На дом-мертвягу.

– У тебя невообразимая способность соотносить что угодно с чем попало, – помолчав, ответил эльф.

Ветер встрепал его длинные светлые волосы, маг поморщился и снова заправил прядь за левое ухо, в котором блестела сережка-петелька.

К женщине подошел сутулый пожилой мужчина, сел рядом на землю, положил руку на плечо, тихо заговорил. Она вцепилась в его пальцы и замолчала, давась глухими страшными всхлипами.

Потянулись к погорелице односельчане. Одни присаживались рядом и что-то шептали, другие молча касались ее руки. Несколько мужчин ходили вокруг дома, переговариваясь. Из ближайшего двора вышла женщина, поднесла магаз кринку холодного молока из подпола и ковригу, завернутую в ручничок.

Все селяне, даже утешающие погорелицу, бросали на незнакомцев любопытные, жадные взгляды. Девицы потихоньку сбивались стайками, подталкивали друг дружку локтями.

Ветер уже разогнал дым, и стало видно, что маги и молоды, и хороши собой. У эльфа черты лица резкие, кожа чистая и светлая – от солнца начал шелушиться нос, и выглядит это смешно, потому что вид у эльфа очень надменный. Впалые щеки придают лицу сходство с кошачьим, глядит он спокойно, прямо – и мимо, как будто деревня, пожарище и люди не настоящие, а нарисованные на развешанных вокруг него картинах. У второго парня лицо открытое и улыбочивое, его не делает старше даже темная щетина на щеках, и хочется немедленно улыбнуться ему в ответ и безоглядно поверить, даже понимая, что блеск в его светлых глазах – шальной, а нрав – дурной и своевольный, какой бывает у подростков щенков.

Оба были одеты по-простому, по-дорожному, но с иголочки, а поверх рубашек у них висели знаки Магической Школы, новенькие, блестящие. Маги осматривались с таким же неподдельным интересом, с каким местные глядели на них. Хотя в селе не больно-то много было такого, на что можно посмотреть. Две неширокие утопанные улицы, старенькие хаты из глины и соломы, плотные дощатые заборы и ветки плодовых деревьев над ними.

Эльф допил молоко, вернул кринку и спросил темноволосого:

– Едем?

– Поехали, – согласился тот. – Здесь мы всё уже смогли, дальше грустно будет.

Эльф окинул взглядом улицу, смотря поверх голов селян, повернулся и пошел к лошадакам, которые щипали траву у ограды. Темноволосый жизнерадостно улыбнулся всем разом:

– Ну...

– Погодите! Погодите!

От сгоревшего дома к ним бежал тот седой мужчина, что первым подходил к погорелице.

– Фух! Не упустил! Только скумекал, что нынче ж я за старшего, пока Ухач, голова наш, в отъезде! – Он суетливо пригладил седые длинные пряди, отряхнул штаны. – Жрец я, Бедотой звать. Поможите нам с водником замирииться, а?

Темноволосый посмотрел на эльфа. Эльф прикрыл глаза ладонью.

– А то совсем свихнутый водник стал, спасу нет! – распаляясь, продолжал жрец. – То утопарь в колодце окажется, то жабы с неба повалятся! А теперь вона чего сотворил: хату Маланыну сжег! Харысю живцом – в головешку! Это ж водник нам пожар устроил!

Эльф поднял очи горе, словно спрашивая Божию, чем провинился перед ней.

– Да-да! – еще повысил голос Бедота. – Водник! С утра как поперло из речки цельное посланчество утопарей! Да на село!

Эльф, продолжая глядеть мимо жреца, лениво спросил:

– Как вы связываете утопарей с возникновением пожара?

Несколько вздохов жрец осмысливал вопрос.

– А! Так мужики побежали, стали швырять в поганцев горящие ветки!

– И поганцы взлетели, – предположил ничуть не впечатленный эльф.

– Не взлетели, а поразбеглись! А тут ветрище как налетит! Да самую толстую ветку р-раз! Подхватил – и в крышу! И как понесет огнище!

– Ого! – оценил темноволосый.

Глаза у него заблестели и даже, как показалось Бедоте, стали ярче – не серо-голубыми, а почти синими. Похоже, история начинала нравиться магу – не меньше, чем горящий дом.

Эльф скривился. В молодости Бедота немного поездил по Ортаю и явственно видел, что есть в этом эльфе какая-то неправильность, но какая – жрец не мог понять.

– Подсобите нам ужиться с водником, а? Поможите узнать, чего ему надо, дурнине! Помыслить же страшно, чего он дальше выкинет, если так все оставить!

– Не берусь предположить, почему вы обращаетесь к нам с этой просьбой.

– Так вы ж маги, – сказал жрец таким тоном, словно этого было достаточно. – А сами мы знать не понимаем, как с призорцами столкнуться. Не выходит к нам водник, не хочет. Или зовем его не так, или осерчал на что.

– Вызвать водника? – переспросил темноволосый. – Так это легко. Вас тут бабки ничему не учили разве?

Жрец развел руками.

– Странное дело: глухомань глухоманью, а люди беспамятные, – парень произнес это, обернувшись к эльфу, но тот лишь равнодушно пожал плечами. – Нам говорят, на окраинах устои сохраняются, а на деле окраинцы не умеют даже водника вызвать. Это как понимать, а?

– Да не было раньше нужды, – зачастил жрец. – Прежде с призорцами травница водилась, она на отшибе жила, у опушки. Что они скажут – травница придет да повторит, а мы сделаем. Ежели чего для села надо – она призорцев попросит. А как травница померла, так понемногу и забылся порядок... Так вы подсобите? Нам узнать бы, чего ему надобно, воднику!

Темноволосый маг, вопросительно изогнув бровь, обернулся к эльфу. Тот скучаяще глядел вдаль.

– Была охота возиться, – произнес, не поворачивая головы. – Меня в Эллоре ждут.

Поняв, в чем ему виделась странность эльфа, Бедота едва не хлопнул себя по лбу. Маг выглядел как оседлый эльф: высокий рост, длинные волосы, обычная одежда, да тот же знак Школы, к которой уроженец Эллора и близко не подойдет. Но говорил и держался он именно как эллорец, да и серьги в ушах оседлые эльфы не носили. Ортайское семейство эльфов, сохранившее связь с исконцами, догадался жрец. Раз или два в год ездят пожить в эллорском пределе, что на востоке Ортая. Понабираются там всякого – и нос дерут потом выше сосен. Гордятся, что они, единственные из всех рас, хранят родовые традиции. При этом сами оседлые чтут Божию, а не эльфийских предков. Каша у них в голове, да и только!

– Ну, ждут – значит ждут, – решил темноволосый, улыбнулся жрецу. – Выходит, мы дальше поедem.

– А как же водник? – опешил Бедота.

– Быть может, в другой раз.

Парень помахал сгрудившимся поодаль селянам, будто не замечая отчаянной мольбы в их глазах, и пошел к своей лошадке. Эльф кивнул с явным облегчением, словно говоря: «Наконец-то!» Взлетел в седло легко и красиво, вызвав отчетливое девичье «Ах!» из толпы.

– Погодите! – отчаянно вскричал жрец. – Давайте срядимся!

Эльф даже ухом не повел, но темноволосый замешкался.

Что посулить магам за помощь? Бедота в первый вздох растерялся. Предлагать деньги полуэллорскому эльфу бессмысленно: не возьмет даже при отчаянной нужде. Да и откуда серьезные деньги в глухом селении? Что вообще у них есть? Огороды да скот, соления в бочках да соты медовые... Наконец нашелся:

– Кристаллами отдарим!

Темноволосый присвистнул. Эльф развернул коня, подъехал. Впервые он смотрел на жреца, а не поверх его головы, и оказалось, что серые глаза мага вовсе не холодные, а живые, умные, цепкие.

– В округе есть порталы?

– Аж три штуки!

Маги переглянулись.

– Но только не близко, – быстро уточнил жрец, – а летом детей не пускают, сами понимаете: работе время, дурачеству остаток. Так что, не серчайте, придется выбирать из тех камней, что скоплены.

– А скоплено порядком, – закончил за него темноволосый. – Куда вам их тут девать-то? До ближнего города два дня верхом, а телегой...

Жрец усмехнулся. Маги снова переглянулись и кивнули друг другу.

– Ну что тут скажешь – встряйши! – бодро заключил темноволосый и приложил четыре пальца правой руки к левому плечу в вежливом приветствии мага к нанимателю. – Я Шадек.

Эльф легко спрыгнул наземь и, вопреки ожиданиям жреца, размашисто повторил жест.

– Я Кинфер. Надеюсь, вы позаботитесь о приличной избе и достойном столе для нас?

Бедота снова удивился: имя у эльфа было не эллорское. Обычное имя выходца из восточного Орта.

– И Кристаллы вперед! – быстро добавил Шадек.

– Хорошо, хорошо! – нетерпеливо согласился жрец. – Все будет вам, чего скажете, – помогите только!

* * *

– Зачем ты притащил меня сюда? – шепотом негодовал Кинфер. – Я не умею говорить с призорцами. И в воду не полезу!

– Да он сам к нам вылезет, – Шадек хорошенько размахнулся, зашвырнул в реку камень, приложил ко рту ладони и принялся издавать непонятные эльфу гортанные вопли. Кинфер смотрел на друга с опаской и уважением.

Выждав немного, Шадек повторил призыв. Потом еще раз. И удовлетворенно кивнул, когда из глубины речки, куда упал камень, появились частые крупные пузыри, потянулись к берегу.

Из воды вынырнул старикан – грузный, неопрятный. На голове – кривой рог нездорового вида, на висках – чешуя. Он огляделся, впери в магов пустой взгляд рыбьих глаз да неспешно подплыл ближе, слегка шевеля плечами.

– Не могу сказать, что подобное зрелище мне приятно, – Кинфер брезгливо поморщился. Старик остановился по пояс в воде, не доходя до прибрежных зарослей осоки, скрестил на груди толстые руки.

– На себя-то погляди, красотка волосистая, – голос у него был хриплый, будто в горле застряла рыба кость.

Кинфер хрустнул пальцами.

– Водник знает общую речь? – обрадовался Шадек. – Это сильно облегчает дело!

– Всё ваши Странники булькучие, – неохотно пояснил рыбаглазый. – Расползлись по свету, тонут где ни попадя, торочат на своем, раков пугают. А говор-то липучий, спасу нет... Зачем звали?

От водника нестерпимо смердело тиной. Ветер, как нарочно, дул к берегу.

– Поговорить хотим, – Шадек прищурился. – Про село, жабий дождь, утопаря в колодце, дом горящий. Ничего не хочешь рассказать?

– Не тяни, чаровник, чешуя сохнет.

– Врешь ты все, – встрял Кинфер и снова хрустнул пальцами, – ничего чешуе твоей не сделается! Да и сам знаешь, зачем был зван!

По речной глади мощно хлестнул коровий хвост и снова скрылся в воде.

– По нраву ты мне, чаровник, ну прям страсть до чего по нраву-то! Люблю таких смелых да грамотных, потому как долго они не живут, а у меня в хозяйстве-то молодь всегда пригодится. Молоди у нас везде дорога: косяки пасти, сомову чешую чистить, селян пугать опять же...

Левое ухо Кинфера, не скрытое волосами, порозовело, и Шадека это явственно встревожило.

– Хорош свариться, не за тем пришли!

– Шадек, да он же нарочно задирается!

– Кинфер, цыц! Говори, дядька-водник, зачем страху нагнал на селян?

Услышав уважительное обращение, рыбаглазый довольно прищурился, но отвечать не торопился. Покачивался на воде круглобоким чешуйчатым бочонком и смотрел на магов мертвыми желтыми глазами.

Губы Кинфера сжались узкой полоской, у рта прорезались морщинки.

– Не вздумай, – вполголоса бросил Шадек.

– А чего у эльфа-то уши красные? – прохрипело из речки. – Нешто злобится?

– Да катись это село к демоновой матери! – заорал Кинфер. – Вместе с лесом, болотами и этим тыукал'лим сыном волосатого тор-ка!

– Поговорили, – Шадек махнул рукой, сел на песчано-травяной бережок и принялся дергать метелки из манницы.

Однако водник, против ожиданий, не озлился и не ушел обратно под воду, а рассмеялся, загудел «Ого-го!» и зашлепал ладонями по воде. Брызги полетели во все стороны, частью попадая и на эльфа.

– Вот это дело, вот это по-людски! А то встал на бережку чаровник-то эльфский, такой важный, хоть картины пиши с него! Э?

– Переверни тебя и шлепни пузом на воду, презренный фай'ка мом, – сквозь зубы процедил Кинфер и уселся рядом с Шадеком.

Водник осклабился, показав зеленоватые сточенные зубы. Тинный дух стал гуще.

Шадек выплюнул колосок и спросил:

– Ну так что, будем говорить или чешую сушить?

– Говорить, – сжалился водник. – А чего селяне сами-то не пришли, прислали вместо себя приبلуд молодых каких-то? Небось совестно им поглядеть в глаза дядьке-воднику? А придется ведь, ох и придется-то!

– С чего это им должно быть совестно? – возмутился еще не остывший Кинфер. – Поганцев на село нагоняешь ты, а стыдиться должны они?

– Да вы еще дурнее, чем кажетесь! – воскликнул водник. – И селяне-то, выходит, тоже? Они думают, я им озорую?

– Они думают, ты им опсихел, – любезно уточнил Шадек. – Иначе отчего все это? Утопари, жабы. А факел в крышу? Это ж ты, выходит, с другим призорцем сговорился – с полевиком, с лешим? Зачем?

– Никакого понимания, – скорбно отметил рыбоглазый. – Ни почета дядьке-воднику, ни этого... соуживанчества.

Маги переглянулись. Водник проплыл туда-сюда вдоль берега, заложив руки за спину. На боках у него тоже имелась чешуя – тусклая, неплотно прилегающая к телу.

– И ведь мне еще не хуже многих! Вон приятель-багник по весне в Даэли утек, пока не поздно. Там дриады призорцев привечают, почитают. А у нас, в Ортае, чего? – Водник так зыркнул на магов, словно вся вина лежала на них двоих.

– А чего? – послушно спросил Шадек, хотя и сам знал ответ.

– Да порядку не стало! Позакрылись в городах за заборами, все бегом-скачком, призорцев не чтите, обычаев не помните. А мы-то не можем так! Не живем в суеде промеж стенами! В старых деревнях, в глуши – еще как-то, да и то уже больше в привычку, чем с пониманием. Хатники, банники, хлевники – те пока держатся, про тех еще помнят. Хатнику молока отжалеют, хлевнику вечерю в ясли положат, баннику краюшку хлеба оставят. А вот как вести себя – про то у людей уже памяти нет. Чтоб ругань в хлеву стояла – мыслимо? А потом дивятся, что у них скотина худеет!

– Я понял, – вполголоса произнес Кинфер. – Они тут все прискорбные на голову.

– Ну а нам-то, природным призорцам, и вовсе житья не стало! Про нас вроде как знают – но не верят, не почитают, обычаи позабросили. Чистая безобразность! Приходят к реке без гостинцев, удила не окуривают. Соберутся в лес – поклонятся кое-как и клячат хорошей охоты. А гостинец? А кровушку? Гонят скот на выпас – протараторят скоренько, сохрани, мол, и все тебе! Хлеба-соли жалко на угощение? Ну а когда они мельницу поставили, курицу не прикопавши, – я уже не стерпел! И полевика поднял, и лешего – теперь мы им покажем, как мавки кочуют!

– Ты почему жрецу все это не сказал? – рассердился Шадек. – Почему к нему не выплыл?

Водник насупился, выпятил вислые губы. Под ушами у него набухли кожаные мешки, сделавшие старика похожим на жабу.

– Долго они злили нас, да крепко озлили. Или все возвернется да станет по-прежнему, как при дедах было заведено, или сживем село со свету, ясно?

– Зачем злиться, когда можно помириться, а, дядька-водник? Объяснить, воспитать...

Старик нетерпеливо замотал головой, и на воду посыпалась подсохшая ряска.

– Мы призорцы, а не няньки, чтоб каждого учить, да и нет наших сил в таком-то неверии. Из последних стоим. Но не ждите, не отступимся! Что трое нас – так то лишь начало, домашние призорцы тож подтянутся, не отсидаются! Жабий дождь, дом горящий? Да это мы еще не раззадорились! Будут вам и потопы, и пожарища, и саранча голодная! И скот поляжет, и зерно сгниет, и света белого невзвидите!

– Вот была же охота так надрываться, – Кинфер произнес это, не открывая глаз. – Перебрались бы в Даэли вслед за багником, да и жили себе спокойно.

Эльф сидел, закинув голову, жмурился на полуденное солнце. Шадек готов был поручиться, что друг еще и мурчит тихонько. Вот кто б говорил про прискорбных на голову, а Кинфер молчал бы!

Из-под воды в туче брызг снова взвился коровий хвост, змеюкой мотнулся туда-сюда.

– Отчего это мы должны уходить? Тут появились, тут и пригодились. Не нравятся наши порядки – сами пусть убираются!

Кинфер открыл один глаз, оглядел раздувшегося водника.

– Шадек, по-моему, он не шутит.

Старик фыркнул, погнав новую волну тинного запаха.

– Хорошо, дядька. Что должны сделать селяне? Принести вам подарки, угощения, что-нибудь пообещать, пляски устроить?

– Жертвы, – тихо и хрипло ответил старик.

От этого слова дохнуло такой жаждой, что даже у Кинфера по спине побежали мурашки.

Водник протянул к магам руку, растопырил пальцы с длинными кривыми ногтями, мягкими от воды.

– Малой кровью нам не замириться. Пускай на рассвете приходят, приводят козу и теленка. И до той поры чтоб ничего не просили: ни улова, ни охоты, ни травы для скота. И духу людского чтоб не было вперед жертвы, не то хуже будет!

В камышах поднялся шелест, прошла рябь по воде, ветер пригнул прибрежную траву. Водник медленно опустил руку.

– Слово мое не возвратно.

Шадек еще несколько вздохов глядел на него, потом поднялся на ноги.

– Я услышал тебя, дядька-водник, – сунул руки в карманы штанов, кивнул Кинферу. – Пойдем.

Вопреки ожиданиям эльфа, друг не стал прощаться с рыбоглазым. А тот, тоже вопреки ожиданиям, продолжал стоять по пояс в воде и смотреть магам вслед, пока они не скрылись за оградой.

* * *

До возвращения своего головы селяне решать не взялись. Загнали с выпаса гусей и немногочисленный скот, и даже кур хозяйки заперли в курятниках, чтоб те ненароком не выбрали за ограду. Траву, скошенную утром, ворошить не пошли, побоялись. Притихшие люди суетливо задабривали гостинцами своих банников, хлевников и хатников, даже если не знали точно, есть ли в их хозяйстве призорцы. Те не показывались и никак своего отношения не проявляли. Только из одного двора хлевник погнал маленькую лохматую собаку – она вылетела на улицу с визгом, метнула по земле пушистым хвостом и тут же села, принялась чесаться.

Маги, душераздирающе вздыхая, шатались туда-сюда по улице. Бедота упросил их задержаться: жрец полагал, что с селянами водник так и не станет говорить, тетешка свою обиду. И что поутру будет надежней иметь рядом магов, с которыми вредина-призорец уже общался. Кинфер и Шадек кривились, упирались, трясли знаками Школы, поминали Эллор, Божиню, совесть и бдыщевую мать, но задержаться до утра согласились.

В кошелях у обоих теперь лежало по Кристаллу о четырех гранях. У Кинфера – темно-синий с голубыми искорками – магический, дающий скорое восстановление силы магу, завязанному на воздушное начало. Шадек раздосадовался, что друг увидел этот Кристалл первым, но не отбирать же!

В сундучке у жреца в основном были мелкие камни, круглые, и назначения большей их части Бедота не знал. Не помог и соседский парнишка из тех, кто ходил через порталы и кое-как разбирался в Кристаллах. Зато он указал магу на другой четырехгранник – бережный, облегчающий пухлость и боль при пчелиных укусах. Шадек, страдавший непереносимостью пчелиного яда и в детстве однажды чуть не погибший от него, охотно принял камень в качестве платы.

Когда маги проходили мимо изгнанной со двора собаки, та прекратила чесаться, внимательно посмотрела на Шадека, поднялась и деловито потрусила следом. Парень оглянулся на неожиданную компанию – комок грязно-белой шерсти, полной репьев, потешная умная морда, любопытно торчащие уши. Шадек посвистел, протянул руку – псина остановилась и отвернулась. Маг пожал плечами и зашагал дальше.

После разговора с водником друзья заскучили. Четыре дня назад они выехали за ворота Школы, в которой были почти что заперты целых шесть лет, начиная с пятнадцатилетнего возраста. Месяц отвязки раз в год – это очень мало для того, чтоб увидеть мир! К тому же Кинфер, как бы там ни было, пересекал за это время весь Ортай по дороге до Эллора (пусть второпях, под приглядом родителей, но все же), да и сама жизнь в Эллоре, отличающаяся от домашней и школьной, отчасти могла утолить жадный до впечатлений ум. А Шадек – тот был вынужден и во время отвязок оставаться в Школе, как все ученики, которых больше не желали видеть в родном доме.

Теперь же впереди лежал целый мир, который за истекшие годы просто обязан был стать интересней и больше. А возможности обученных магов делали изучение этого мира сказочно увлекательным делом! Впервые в жизни предоставленные сами себе, очень взрослые и ни от кого не зависящие, Кинфер и Шадек ожидали впереди восхитительных открытий, и томительное шатание по сельской улице вовсе не относилось к таковым.

От каждого плетня друзей провожали любопытные взгляды: пришлые люди, из большого города, да еще маги, победители огня, с которыми заговорили вредные призорцы, – о таких гостях селяне много лет будут добрым словом вспоминать. Но некоторые мужчины поглядывали недобро, там и сям собирались группами, шушукались. На Шадека это не производило никакого впечатления, Кинфера же тревожило. А само состояние тревоги его раздражало как недостойное эллорского эльфа.

– Откуда столько порицания в их глазах? – проворчал Кинфер, когда маги прошли мимо троих селян. Те при их приближении замолчали, а теперь провожали тяжелыми взглядами. – Они смотрят с такой укоризной, словно это мы перессорились с призорцами!

– Так они думают, что, если б продолжали ничего не знать, все как-то само утряслось бы. Теперь же им придется что-нибудь решать, и это будет неприятно. А они не хотят. Выходит так: мы побеседовали с водником, принесли в село плохую весть – появились люди, которые за это нас не любят.

– Не захотят ли они проявить эту нелюбовь, оторвав нам головы?

Шадек беспечно отмахнулся.

– У них и так забот хватает. К чему прибавлять еще пару взбешенных магов?

– Паре взбешенных магов не удастся справиться с десятком селян, – заметил Кинфер, исподлобья оглядывая улицу.

– А ты не говори им об этом. В случае чего – вывернем одного потрохами наружу, а остальные разбегутся сами.

– Разумно, – одобрил эльф и негромко забубнил заклинание.

– Паникер, – закатил глаза Шадек. – Не полезут они к нам. Они ж видели, как мы потушили пожар, с которым все село не могло справиться. Теперь они считают, что мы можем вообще все!

По тыльной стороне ладони эльфа пробежала белесая строчка и растворилась в пальцах.

– Не нужно путать излишнюю бдительность с предусмотрительностью, – в голосе Кинфера звучала легкая обида. – Подвешенные заклинания еще ни разу не оттянули мне руки, а вот выручали многократно. Да и тебя, мой друг, тоже.

– Верно, – легко согласился Шадек. – И все равно ты – паникер.

Друзья как раз проходили мимо забора, на котором почти висели две девицы. Волосы по плечам, на шее – бусы из дерева, на магов старательно не глядят. С каждым их шагом одна

из девиц еще больше отворачивала голову – Шадек следил за ней заворуженно: защемит шею или обойдется? Вторая девушка заправила волосы за острые уши, неестественно распрямляла плечи и делала вид, что не замечает поблизости никаких приезжих магов, о которых говорит все село. Выглядело это нелепо и забавно, и Кинфер не упустил случая показать, как правильно нужно задирать нос, пройдя мимо девушек с видом истинного, законченного и безнадежного элльорца.

Увязавшаяся за магами собака громко чихнула. Шадек рассмеялся.

– Друг-эльф, ты пушишь хвост перед сельскими девками? Побойся Божию, тебя же Умма не простит!

Кинфер обернулся на эльфийку.

– Ничего я не пушу, много чести. А что до Уммы – так ее здесь нет.

– Ага, так ты страдаешь без своей доли обожания? Уже полдня никто не глядит на тебя с восторгом в глазах?

– Ты невыносим.

– Знаю. Ты говорил однажды.

Пройдя двор, тут же повернули обратно. Собака развернулась следом с таким выражением морды, словно оказывала магам огромную услугу.

– Шадек, ты им подмигиваешь!

– И что? Мне можно. Это ты у нас весь из себя эльф, погостишь в Эллоре и вернешься в Школу работать. А мне по трактам разъезжать, перебиваться, чем Божиня пошлет: парным молочком, колбаской домашней, девками деревенскими...

Не говори о затхлости печальной –
Гляди, как распускаются цветы!
И в голове не до конца нормальной
Рождаются бесстыдные мечты...

Кинфера перекосило. Шадек пнул ком земли и досадливо продолжал:

– Слушай, ну когда уже их голова вернется? Тут же невысказанно скучно! Два десятка домов, полсотни человек и десяток переходов до ближайшего селенья, где все ровно такое же. Как люди тут живут всю жизнь, а?

– Не имею представления и не желаю знать. Но мы можем скоротать время, посвятив себя помощи ближним.

– Мы уже помогли, с водником поговорили. Мало?

Эльф помялся и, понизив голос, как о чем-то непристойном, ответил:

– Вообще-то да. Как единственные представители магического сообщества в этом забытом Божиней селе мы обязаны принести ему больше пользы. Думаю, требуется предложить помощь в разборе сгоревшего дома, как считаешь?

– Овощ им в помощь, – буркнул Шадек. – Копаться в золе и слушать бабий плач – это не интересно, не буду я заниматься такой ерундой. А еще в том доме валяется горелое тело. Оно испортит мне аппетит.

С соседней улицы донеслись рыдания.

– Во, вспомнишь солнышко – а тут и лучик, – кивнул в ту сторону Шадек. – Пойдем в дом. Я вовсе не хочу смотреть, как эту головешку потащат в божомольню.

Бедота поселил магов в своей хате, не доверил гостей сельчанам. Кое-кто с порицанием отнесся к такой заботе о приезжих, и не без причины. И наверняка была крупная правда в их обидных словах про то, что эти двое – не настоящие маги, а шалопаи беспутные. Однако и с Бедотой было не поспорить: путные или нет, а пожар затушили и водника на разговор вызвали, а кто может больше – так пускай сделает.

– Один из самых омерзительных обычаев Ортая, – Кинфер последовал за другом. – Очень глупо и нечистоплотно оставлять тела на ночь в божемольнях. Какой в этом смысл?

– Ну как же: жрецы читают над ними молебства, души наполняются покоем и летят себе, привольные, прям под Божиный порог, где будут...

– Да знаю я, – сердито перебил Кинфер. – Но почему их тащат в божемольню? Туда же люди ходят, там дети учатся, там ромашка жжется – и тут нате: горелый мертвец! А откуда пришел этот глупый обычай закапывать мертвых? Невообразимо думать, что при селах росли другие поселения – с покойниками! А то легкомыслие, с которым их закапывают? Руки не вяжут, ноги не опутывают, клетку не ставят, а потом бегают по округе с воплями от своих мертвых бабушек, а поодаль некромант сидит-заливается. Дикость! То ли дело церемония прощанья у эллорцев! Собирается вся община, приходят Старейшие, звучат родовые песни о рождении и торжестве жизни. И душу умершего забирает в чертоги дух самого Эллора, а прах развеивается под старейшим дубом леса...

– Красиво, – согласился Шадек.

– К тому же там никогда не жили призорцы, – продолжал Кинфер. – И безобразия, подобные здешним, просто немыслимы в благословенном крае исконцев!

– Мне прям захотелось родиться эльфом и тут же помереть в Эллоре, – кисло протянул Шадек. – Шагай давай, цаца ушастая, представитель магического сообщества. Сам-то небось не побежал никому помогать, а? И носит же ортайская земля таких зазнайцев!

* * *

С возвращением сельского головы порядка не прибавилось. Из соседнего села, где проводилось первое окуривание его единственного внука, Ухач вернулся смурной и в изрядном подпитии. От ромашкового дыма внук орал дурниной, что считалось нехорошим знаком, и пережить подобное без кружки сидра Ухач не смог. С собой в дорогу взял плетенку наливки, которую и приговорил по пути.

Вернувшись домой и выслушав новости, голова разъярился окончательно. Он требовал сей вздох прекратить непотребства и навести порядок, дать воднику все, чего тот пожелает, и не сметь давать ему ничего, страшно хмурил кустистые брови, махал кулачищами, топал ножищами и орал так, что цепные псы по всей улице виновато прижимали уши. Селяне бы тоже прижали уши, если б умели.

Маги слушали, не высываясь со двора. Они сидели на поваленном стволе старой яблони, скрытые забором. Кинфер рисовал на земле сухой веточкой, Шадек выбирал репы из хвоста собаки, которая так и не пожелала расстаться с магами.

– Из каких соображений они выбрали своим головой столь глупое животное? – тихонько ворчал эльф.

Меж тем Ухач переключился на магов, веля сей вздох подать их пред свои замутненные очи и заставить держать ответ: отчего не договорились с водником по-хорошему? Почему не помогают разбирать сгоревший дом? Не ходят по селу и не спрашивают, кому нужна помощь? Словом, что это за маги, которые не ищут, где бы пригодиться?

Бедота на это отвечал, что маги следуют по пути жизнепознания как считают возможным, и случайным людям не судить об этом.

– Жрецы, – Шадек сильно дернул очередной репей и цыкнул на рыкнувшую собаку, – все одинаковые, одно и то же торчат. Маги, любимые дети Божины, путь жизнепознания, особые возможности для помощи людям, тьфу! Спасибо, хоть не кнутом гонят по этому пути, с них бы стало!

Бедота с улицы, будто услышав слова Шадека, подхватил:

– Ибо сказано в Преданиях: «Всякий маг должен осознанно прийти к пониманию своего назначения и не годится наставлять его рьяно. Ибо тот, кто действует по принуждению, не отдает себя от души и всегда несчастен. И лишь тот, кто выстрадал свой путь и желает его, не отступится ни перед чем и не свернет с дороги»!

– Как вы достали, – сказал Шадек забору, за которым вещал Бедота. – Шесть лет не было в Школе спасенья от этого нудежа, теперь здесь начинается!

– Молодые они еще, – продолжал жрец, – жизнью не битые, чужой боли не разумеющие. То ненадолго. Дорога их быстро изменит, ибо поймут, какой дар держат в руках.

– Что не битые – это верно, – послышался густой бас головы. – Поучить бы надобно.

– Ты, Ухач, за своими грехами следи, о чужих не суди, – строго ответил Бедота. – Без всякой меры ты хмельному обрадован, а что в Преданиях сказано про это?

– Сказано, что всякий любитель чрезмерных жизненных сладостей будет в посмертии мучим в речке медовой, дабы сладость ему опротивела, – как по писаному отчеканил Ухач. – Только где ж чрезмерность? Это так, сластишка. Самая крохотка в жизни-то нашей, что горше полыни.

Кинфер что-то буркнул, раздраженно затер нарисованное и тут же начал заново.

– Опять не туда заехали, – послышался из-за забора третий голос, и еще два десятка других согласно загудели, – маги, сласти, хмель – это все подождет, не сбежит. Ты скажи, Ухач, как поступить с призорцами. Никто свою скотину в жертву давать не хочет, а только дальше жить так не можна. Тебя ждали, чтоб рассудиться, договориться, к порядку прийти. Вот ты приехал – и где он, порядок?

Тут же встряли несколько женских голосов. Каждая селянка объясняла, отчего именно ее козу никак нельзя приносить в жертву и почему всему селу от этого только хуже станет. Голоса становились громче, визгливей, заглушали друг друга и набирали постепенно такой страсти, что становилось ясно: дело идет к применению самых убедительных доводов – выдергу кос.

В ближайших дворах оживились собаки, неуверенно пытались подвывать.

– Они наводят на меня глубокую тоску, – заявил Кинфер, забросил свою веточку в заросли малины у маленькой белой хаты и разлегся на яблоневом стволе, закинув руки за голову. – Слышишь, что орут? Козу не дадут, теленка не позволят, да пусть этот водник, да чтоб тому лешему... И заметь: не прошло еще и полдня, как эти самые люди ходили бледными, смотрели на нас большими печальными глазами, а призорцев упоминали исключительно придушенным шепотом. Скажи, Шадек, как с ними можно договориться, если у них в головах такой кисель? Или у призорцев тоже кисель?

– Да все они тут хороши, – отмахнулся Шадек и принялся чесать собаку за ушами. – Ты как знаешь, а я утром дальше поеду. Не договорятся – да и демонова мать с ними. Не хочу ничего знать, пусть их тут хоть огненным дождем накроет.

Кровь да мрак вокруг,
Зеленел ивняк,
Муху жрал паук,
Умирал скорняк.

Кинфер скривился так, будто у него заболело все разом.

– Шадек, откуда у тебя прорезались наклонности к рифмованию? Паршиво же получается.

– Нет у меня никаких наклонностей. Я лишь при тебе рифмую – тебя потешно перекашивает. Потому как знаешь, эльф, ты стал еще больше невыносим после того, как привез из своего Эллора эти душевные стишки.

– Вот оно что, – к Кинферу вернулось его обычное состояние невозмутимости. – А зачем тогда ты поехал вместе со мной, таким невыносимым?

– Мы же друзья, – смиренно отвечив Шадек и легонько щелкнул собаку по носу. – Друзей не бросают, даже свихнутых. Да и привык я к тебе за эти годы. Кроме того, на юг больше никто не ехал: Оль поперся на восток, Умма осталась на западе, а...

– Шадек, память меня пока еще не подводит, – перебил Кинфер негромко. – Я помню, кто куда поехал. И понял, что твое восприятие прекрасного пребывает даже не в зачаточном состоянии. Его вообще нет. Даже в шутку невозможно оскорблять сравнением эльфийскую поэзию и твои мерзкие рифмовки...

Жрец вернулся домой уже в сумерках и сообщил: селяне так ни до чего и не договорились, а Ухач, страдая головной болью, махнул на все рукой да отправился спать.

* * *

Ночью в селе никто не сомкнул глаз.

С наступлением темноты поднялся ветер – шальной, небывалый. Он с воем носился по дворам и до хруста бросался на окна. Ронял деревяшки, которыми на ночь были прижаты двери курятников. Словно живой, колотил по висящей на заборах утвари.

В двери и ставни стучало, дробно и звонко. Было слышно, как в садах ломаются ветки.

Перепуганным людям слышался цокот копыт и тяжелые шаги вразвалку, блажился шепот и скрип.

После полуночи показали себя и домашние призорцы.

В сенях падали тяпки и билась посуда, открывались и хлопали ставни, печи выбрасывали из топок тучи уличной пыли. Селяне трясущимися руками пытались разжечь больше светильников, но огонь в них трещал и гас. Дети заходились криком.

Жрец, пригибаясь от ветра, носился по двум улицам с дымящимся веником ромашки. Во дворах ему под ноги лезли корни и сучья, калитки прихлопывали пальцы или вовсе не открывались. Потом ветер нагнал колючий холодный дождь, и охапка сухих цветов в руках Бедоты размокла и потухла.

Дворовые псы скулили и плакали по всему селу. Коты жались по углам в сенях и на чердаках, злобно шипели, следя глазами за тем, чего не видели люди.

Сельчане метались в домах, натыкались в темноте друг на друга, пугались, ругались, снова пытались разжигать светильники. Как никогда истово поминали Божию вперемешку с воззваниями к призорцам: все, все отдадим, что скажете, только уймись!

Кинфер и Шадек Божию не вспоминали, но ругались за четверых. Уставили всю комнату магическими щитами, бегали от окна к окну и подпрыгивали, когда в сенях гремели ведра. Собака тихо и неуверенно порыкивала из угла.

– Молния, Шадек! Гроза!

– Что-то в дверь колотит!

– Это гром!

– Нет, это с улицы!

Снова сверкнуло, зарокотало. Опять послышался стук в дверь.

– Говорю тебе, гром!

– Да нет же, стучат!

– Хочешь открыть?

– Не дожدهшься!

Было слышно, как дверь отворилась, громче стали звуки дождя и ветра.

– Да это ж Бедота вернулась, – сообразил Шадек и толкнул дверь в сени.

Жрец уже был внутри и, причитая, расталкивал ногами ведра. Они катались по полу и никак не давали ему пройти в дом. С одежды и длинных седых волос Бедоты натекла лужа.

– Утром к речке пойдем, – отрезал жрец и с силой пнул самое большое ведро.

С улицы отозвался гром. В завываниях ветра слышался хриплый смех.

Призорцы уgomонились только к утру. Закончился дождь, перестали хлопать ставни, утихли шепотки и стуки.

В наступившей тишине людям было еще беспокойней, всюду они ощущали на себе злые взгляды, жались друг к другу и боялись высунуться даже на собственное подворье. Все были уверены, что ночное ненастье только взяло передышку, и в любой вздох снова набросится на село – вот только хозяин прикажет.

И все же с рассветом встрепанные, осунувшиеся сельчане покинули свои дома, гуськом потянувшись к берегу.

Впереди выступали Бедота, Ухач и маги. Голова тащил на веревке теленка, хмуро поглядывал по сторонам. Глаза у него были красными, веки – опухшими. Рядом с Ухачем шагала худая простоволосая баба, вела за рог козочку. Та тянула хозяйку в сторону, где аппетитно зеленела росистая травка, получала пинка по тугому боку и снова упрямо тянула. Следом, ежась от утренней сырости, брели остальные сельчане. Дома оставили только молодух и детей, собрав всех вместе в самой большой избе и наказав в случае чего немедленно бежать к реке.

Водник вынырнул в тот же вздох, когда подошли люди, – как будто подгадывал. Появился на середине реки в пенных брызгах, прокричал «Ого-го!» и рванул к берегу. Шадек в первый вздох удивился такой стремительности и тому, что водник на глубине реки торчал из воды почти по пояс, но потом разглядел под речной рябью очертания гигантской рыбины. Сегодня водник оседлал своего сома.

– Вот это дядьке почет уважительный! – трубно радовался рыбоглазый, а сом под ним выписывал кренделя под водой.

Селяне охали, переглядывались, бабы бесшумно всплескивали руками. Чешуя сома то проявлялась проблеском, то вновь потухала, и было ясно лишь то, что рыбина здоровущая. Водник хохотал, его хвост взвивался над водой, чешуя блестела, словно ее нарочно начистили.

– Ну хорош вертеться, голова кружится! – заорал Шадек. – Давай договариваться! Вот тебе коза, вот тебе теля – куда заносить-то?

Сом навернул еще один круг, и водник спрыгнул с его спины, подплыл ближе к берегу, как в прошлый раз. Оглядел довольным взглядом толпу селян. Те почтительно наклонили головы.

– Животины – то не для меня. Ведите козу к лесу, теля – на ближний пригорок, к лужку. А по моим счетам иной мерой плачено будет.

Ухач и баба, державшая козу, переглянулись, кивнули друг другу и повели животных через толпу.

– А как знать, помогут ли жертвы? – подал голос Бедота. – Не станут ли призорцы злобствовать без причины? Мы, конечно, согласные взяться за ум, наладимся жить как заведено. Но вот что выходит: они нас могут держать в строгости, а кто ж будет держать в строгости их?

– Вопрос доверия, – Шадек выглядел спокойным, хотя ночь далась магу нелегко. – Сам же говоришь: будете жить так, как заведено. Прадеды доверяли призорцам – и вы приучайтесь.

Водник стоял, уперев рыхлые руки в толстые бока, улыбался во всю пасть. Ветер гнал к берегу рябь и тинную вонь.

– А ведь друг-багник не зря приговаривал: мол, будет и в твоём омуте нерестилище! Вот так оно и сложилось-то: стал я водником, моя власть, мое слово!

Селяне переминались с ноги на ногу, заискивающе поглядывали на рыбоглазого. А тот смотрел на одного – на жреца.

– Ты что, не признал меня, Бедота?

Жрец охнул. Водник вздохнул с прибулькиванием.

– А ведь я жизнь свою вручил твоему слову-то. Вот где был этот, как его... вопрос доверия. Жизнь человечья не коза жертвенная! Я плавать-то не умел? Не умел. А ты чего обещал, Бедота? Что вытащишь меня. Обещал же?

– Василий?!

– Баси-илий, – передразнил водник. – Он еще сумлеваются, гляньте! Так много душ перетопил, что всех и упомянуть не можешь?

На негнущихся ногах жрец сделал три шага к воде, подался вперед. Полными ужаса глазами оглядел рог, чешую, желтые рыбы глаза, вспухшее серое тело.

– Василий.

Да так и рухнул на мокрый песок у воды, словно его ударили под колени.

Все дальнейшее отложилось у Шадека в памяти ясно и красочно, будто нарисованное.

Вот селяне отступают, еще дальше отходя от жреца, как бы говоря воднику: мы не с ним, мы ни при чем! Рыбоглазый брезгливо выпячивает губу. Бедота стоит на коленях, опустив голову, повторяет и повторяет:

– Я не хотел, не хотел, не хотел!

– А я-то как не хотел! Ох и жутко было, Бедота! Когда вместо воздуха вдыхаешь водицу – как в груди-то горит! Ноги сводит, пальцы горло дерут, в груди рвется, а вода сверху давит, и солнце мутнеет все дальше, а после – темнота, тишина. И раки. Знаешь, Бедота, чего делают раки? Нравятся тебе мои новые глаза?

В хриплом голосе водника – злость, и боль, и безысходность, и Шадеку кажется, что рыбоглазый упивается ими. Жрец качается из стороны в сторону, седые растрепанные пряди закрывают его лицо.

– Полвека прошло, Бедота. Каждый день я помнил тебя, а ты-то меня и признал не сразу. Оно, конечно, – водник издевательски растягивает слова, – водица сильно людей меняет, а уж за полвека-то!

Пальцы Бедоты зарываются в мокрый песок, мимовольно сжимают его в горсти.

– Я помнил, Василий, всегда помнил, всей жизнью желал искупить...

Через толпу сельчан проталкивается вернувшийся Ухач, не замечая, как замерли люди, непонимающе глядит на жреца, врывается в зудящую тишину громким:

– Ну а ты какую жертву хочешь, дядька-водник?

Вопрос падает, словно палаческий топор, и у Шадека сжимается в горле.

Рыбоглазый молча поднимает руку.

Бедота вздрагивает, как от хлесткого удара, с трудом поднимает голову. Он знает, что увидит, но, когда видит, замирает. Глядит на шишковатый бледный палец с длинным кривым ногтем.

Он указывает на жреца. Водник смотрит на него в упор, и холодные желтые глаза пылают огненным жаром.

– Пойдешь ко мне в услужение – выживет село, замиремся, сладимся. Встанешь да уйдешь – не дам житья никому! Воду вытравлю, заморю сухостью! Людей топить стану, и каждого утопарем супротив села выставлю!

– Чего?! – негодуяще ревет Ухач, но на него никто не глядит.

Бедота утыкается лицом в ладони, бездумно растирает по щекам влажные песчинки.

– Слово мое не возвратно.

Ветер шелестит в камышах, чешуя на висках водника топорщится, голос катится над берегом.

Жрец медленно поднимается и тут же начинает клониться на бок. Селяне отшатываются, но Бедота, оступившись, выравнивается. Расправляет плечи, поднимает голову и мелкими шажками идет в воду, неотрывно глядя в желтые рыбы глаза.

– А ну вернись! – орет Ухач и рвется следом, но мужики хватают его сзади за локти.

Бедота медленно заходит в реку, и водник протягивает к нему руки, словно хочет обнять, впивается пальцами в шею и горло, и видно, как напрягается тело жреца, а потом – тяжелый плеск, хлестнувший по воде коровий хвост и тень огромной рыбыны, ушедшей следом за хозяином на глубину.

На плечо Шадека ложится тяжелая рука, ледяная даже сквозь рубашку. Маг шарахается.

– Поехали отсюда, – лицо у Кинфера непроницаемое, бескровное. Глаза – как слежавшийся весенний лед. – И брось что-нибудь в реку на прощание. Что-нибудь такое, чтоб никогда сюда не возвращаться.

* * *

Чем дальше от села уезжали маги, тем меньше оставалось от липучего ужаса, от тяжелой безысходности, от колкого чувства вины. Лес был светлым, ярким, дразнил запахом молодых листьев, делился безмятежным весенним теплом.

– Собаку Мавкой назову, – заговорил наконец Шадек. Он бодрился, но голос у него подрагивал. – Будет напоминать мне о первом послешкольном приключении.

Серый ледок в глазах Кинфера понемногу оттаивал, но лицо по-прежнему напоминало восковой слепок.

– Ты хочешь вспоминать о нем? А я бы предпочел забыть, как ночной кошмар. Этот водник, все эти призорцы такого страху на меня нагнали – признать совестно. И жреца жаль.

– Жаль, – согласился Шадек. – Он был зануда, но хороший мужик. Хотя и дурак при этом. Что ему стоило взять да уйти, а?

Эльф мотнул головой.

– Ты ж сам сказал: дурак он. Нет, а мы с тобой? Мы же должны были что-то сделать?

– Что? Прибить водника? Мы бы не смогли, это ж призорец! Да и селянам без него бы лучше не стало. Кто б им реку чистил, рыбу растил, утопарей держал в узде?

– Слова не мага, но душегубца, – поморщился Кинфер. – Я не сказал, что нужно было убивать его. Но поговорить, разубедить, придумать другой путь... Мы должны были отыскать способ успокоить водника, тем самым утвердив людскую веру в могущество магов. А мы что?

– А мы ничего, – сердито ответил Шадек. – Что ты хочешь услышать? Я не представляю, как можно было разрешить их противоречия при помощи магии.

– Да и я не представляю. Вот потому и не хотел вмешиваться, с самого начала не хотел! Почему мы не уехали после пожара? Зачем втянулись? Теперь у меня такое чувство, будто я виноват перед всеми: и перед жрецом, и перед магической общиной, и перед селянами... Не стоило нам влезать в их свары с призорцами.

– Так мы бы и не влезали – нас на Кристаллы подманили.

– Несущественно, – уперся Кинфер. – Маг не должен браться за дело, где он бесполезен. А если взялся – обязан показать, что с магом лучше, чем без него. Или для тебя уважение к ремеслу – пустой звук?

– А то ты не знал! – Шадек хлестнул низко свисающую ветку. – Я когда-то давал причины думать иначе? А вот что ж ты, такой ответственный, ничего не сделал, а? Выпятил эллорца, сел на гузно и жмурится солнышку, цаца эльфийская!

– Я думал. Думал, как нам выкрутиться, не уронив чести магической общины.

– И как, надумал?

– Нет.

Шадек глянул искоса на покрасневшее ухо Кинфера и примирительно зачистил:

– Ну и пусть! Людям в таких местах лучше уметь уживаться с призорцами, чем рассчитывать на магов: призорцы вокруг них каждый день, а маг если завернет на огонек – так только

заблудившись. Или по чистой придури, как мы с тобой... Я понял! Буду работать не дальше дюжины переходов от езженных трактов. А такие поселения в дальних краях – к лешему!

В тот же вздох мага огрела по затылку крупная шишка. Хотя лес был лиственный.

– Еще раз понял! К лешему не надо!

– Водники, багники, хлевники, банники, – Кинфер, поморщившись, щелчком сбил со штанов жука-листоеда. – Все это звучит как один из твоих противных Божине стишков.

Он сидел в седле с очень прямой спиной и таким выражением лица, словно находится на званом приеме, а не в лесу на краю Ортая.

– Или как вся та жуть, что на нас напустили после первого года учебы, ага?

Так вспомним же, мой друг, те годы,
Когда умели мы мечтать и верить,
И шли за круговертью небосвода,
Не замечая болей от потерей! –

с чувством продекламировал Шадек, – эх, какими дубинами мы тогда были – вроде и сам знаю, а все равно поверить не могу!

– Так нынче мы немногим лучше, – заметил Кинфер, помолчал немного и добавил: – И все-таки плохо у нас со жрецом получилось.

Фантомная травма (пять лет до выпуска)

Вам приходилось видеть, как обучают магов в Школе? Немудрено, что выпускники столь безответственны.

Ученики, запертые в наполненном магами городе, не видят настоящей жизни, не касаются людских забот, мысленно не примеряют на них свой дар.

Мы хорошо учим этих детей магии, но почти не касаемся их разума и души.

Из записки, сопровождающей предложения по изменению учебной программы, которые не были одобрены

К магическому поединку, как водится, привела сушая ерунда.

Четыре молодых мага сидели в библиотеке и обсуждали магистра Дорала, по большей части сходясь на том, что магистр – злой и нехороший троллий брат.

– Вот как он говорит, когда не хочет ничего объяснять? – спросила Умма, скорчила сердитую рожу и передразнила магистра: – Колдовство!

– Не так надо! – Оль развел руки, выпучил светлые глаза и прошипел: – Колдовство-о!

Умма и Кинфер рассмеялись.

– Точно так он и делает! – подтвердила магичка. – Я его спрашиваю: а как вы протащите в школу монстров? А как в учебной комнате найдется место, чтоб сдавать экзамен? А он и отвечает...

– Колдовство-о! – повторил Оль и развел руками.

Он был невысоким, белобрысым и крепко сбитым, с плавным простецким говором и немного неуклюжими движениями. Магистры считали парня тугодумом – зато он мог похвастать отменной памятью и почти всегда пребывал в благодушном настроении. Когда Оль принимался паясничать, это выглядело и само по себе потешно, и вдвойне – потому что передразнивал он очень похоже.

Поэтому снова рассмеялись все, кроме Бивилки – та хмурила тонкие бровки, отчего ее ореховые глаза казались черными, морщила нос, качала головой – словом, всеми способами показывала, что не одобряет подобных разговоров за спиной у магистра. Девушка сидела на широком деревянном подоконнике и болтала ногами, а когда наклоняла голову, слушая друзей, становилась еще больше похожей на встрепанную птичку.

– А если завтра кто-нибудь зашибется до смерти на его экзамене? Так он с той же приговоркой выдаст изломанное тело гробовщику, да и думать забудет! – с чувством закончила Умма.

– До смерти? – переспросил Кинфер, мягко развернул голову девушки щекой к окну, полюбовался профилем. – Ты паникуешь. Как обычно.

Умма мотнула головой, высвобождая подбородок из цепких пальцев эльфа, и отодвинулась на ладонь – потом на скамеечке закончилось место.

– Да? А если на тебя спустят медведя или упыря, а ты не отобьешься – что будет?

– Глупости говоришь, – эльф накрутил на палец прядку светлых волос Уммы и смотрел, как на ней играет свет, – зачем ему спускать на нас упырей и медведей?

– Дорал верит в опытный подход, – без улыбки напомнила со своего подоконника Бивилка. – Что написано на дверях его учебной комнаты?

Снова голос подал развалившийся за писчим столом Оль:

– Там написано: «Оборонная магия – нужный предмет: с нею ты маг, без нее ты паштет!»

Кинфер обернулся к Олю:

– А ты что думаешь? Дорал может спустить на нас медведя?

– Ну, как по мне, не шибко дивно, если медведь будет бешеный.

Эльф нахмурился.

– Вы сговорились нести ерунду? Это только базовый курс, а у нас своих, основных еще четыре штуки. – Кинфер поглядел на кислые лица друзей и добавил: – На боевых магов Дорал еще может спустить медведей, а нас гонять не станет.

– Он всех гоняет, – уперся Оль, – целителей – и тех вон...

– Правильно делает, – влезла Бивилка. – Упыри и медведи нападают на всех, а не только на боевых магов!

– Но мы же первогодки! С нами так еще нельзя! К тому же он опекатор нашей связки, а не просто наставник. Разве опекатор может нас угородить?

Гулко грохотнула дверь, закрипели петли, затем раздался такой звук, будто кто-то перецепился через высокий деревянный порожек – в библиотеке появился Шадек.

– Бдыщевая деревяшка! – заявил он порожку. – А вы чего сюда забились? Учились плохо? Не заслужили вылазки на природу перед экзаменом?

Бивилка скорчила надменную гримасу.

– Будешь так задирать нос – споткнешься, дорогуша, – сказал ей Шадек.

– А ты сам-то поедешь или послушаешь свою совесть? – не осталась в долгу Бивилка. – Тебе ж, разгильдяю, все равно не сдать экзамена – значит, и прогулки тебе не положено!

– Это я-то не сдам экзамен? – Шадек сделал два размашистых шага и навис над Бивилкой. – Да я с ним только так расправлюсь, дорогуша! Даже хворым, сонным и стоя на одной ноге с завязанными глазами, ясно тебе?

Бивилка снова скорчила рожицу. Шадек обернулся к друзьям:

– Вы видите, да? Если не сбить с нее три горсти спеси – она завтра до учебной комнаты не доберется. Как ты смотришь на поединок, дорогуша?

– Не называй меня дорогушей! – Девушка принялась было слезать с подоконника, но была остановлена повелительным окриком Оля:

– А ну сидеть, Билка!

– Оль, – укоризненно протянула Умма.

– Ничего не «Оль»! – отрезал парень. – Какой еще поединок? Где им тут безобразничать, а? Снова стопчут весь укропчик на заднем дворе? Или вновь устроят свою возню в саду, еще охапку веток нашинкуют? Нет? Может, опять побегут на пустырь за городской таверной и устроят там новое пожарище? И кому опять влетит? Снова нам всем? Дудочки! Сидеть, Билка!

Девушка виновато улыбнулась и снова принялась махать ногами.

– А мы в лесу подеремся, – решил Шадек. – Как тебе мысль о полуночной прогулке в моей компании, дорогуша?

Бивилка немедленно покраснела. Кинфер прыснул. Шадек хлопнул в ладоши:

– Собирайтесь, бесценные! Нас ждут вредные магистры, долгая поездка, целая ночь на природе и еще что-нибудь забавное. Наверняка!

* * *

Бивилка всегда собиралась долго. Невообразимо: она в единый вздох находила верные заклинания, ингредиенты и ответы на заковыристые вопросы магистров, но выбор одной юбки из трех ежедневно ставил ее в тупик.

Из двух путей (помочь Бивилке или непрестанно ее поторапливать) Умма выбрала третий: открыла окошко, улеглась животом на широкий подоконник и наблюдала за происходящим во дворе, щурясь на солнце. Оно устроилось точно над башней восточного крыла Школы, прямо напротив комнаты магичек.

Умма вытянула шею, силясь разглядеть кусты под окнами. Со второго этажа видно было плохо, но, кажется, иглушки уже выкинули бутоны. Непременно завтра по возвращении нужно будет сорвать несколько штук да засушить впрок, для настоек.

От ворот донесся бодрый рывк: магесса Шава вела в Школу группу новичков. Их было пятеро: четыре подлетка и взрослая женщина. Начать обучение в Школе можно было в любом возрасте, но так повелось, что маги обычно приезжали сюда в пятнадцать лет, когда заканчивали обучение у жрецов при божемольнях.

– Живее! Кучнее! – командовала гостями магесса.

Умма стала гадать: сколько из этих пятерых останутся – двое, трое, ни одного? Многие маги, приехавшие в Тамбо – город, где находилась Школа, – после разговора с магистрами шли на попятный. Нежданно обнаруживали, что здесь ждут не медовые пряники, а выматывающие занятия, требовательные наставники, строгие правила, и все это на протяжении шести лет.

Умма и сама в первые дни хотела сбежать отсюда, хотя бежать ей было некуда. Но со временем полюбила Школу. Ее узкие коридоры и высокие потолки, запах пыли в библиотеке, магический огонь, денно и нощно горящий в стенных нишах. Необычные фигурные окошки и плодовые деревья у ворот, уютные учебные комнаты и большие прохладные залы для общих занятий. Вечерами во всей верхней части самой высокой башни зажигают несчетное число огней, и тогда кажется, что над городом Тамбо парит величественный пылающий призрак. А когда пробираешься среди ночи в какой-нибудь укромный уголок, на тебя смотрят вырезанные прямо в стенах лица выдающихся магов прошлого, и кажется, что одни осуждающе прикрывают глаза, а другие ухмыляются в свои каменные усы.

Одно тут не нравилось Умме и Кинферу – отдельные жилища для магов и магичек, разнесенные по разным крылам Школы и защищенные магическими барьерами от неутвержденных посещений.

Когда Умма пришла в Школу, у нее появился не только новый дом, но и друзья. Впервые.

– Ты чего пыhtiшь? – Бивилка бросила на кровать рубашку, шерстяную юбку и курточку, снова нырнула в сундук.

Они заканчивали первый год обучения, уже хорошо понимали свои возможности и редко задумывались об ответственности, и всё, чем они занимались в Магической Школе, конечно, должно было обеспечить им интересную и необыкновенную жизнь, полную удивительных приключений.

Когда тебе четырнадцать, пятнадцать или даже шестнадцать лет – будущее может быть только таким и никаким более.

Вредный магистр Дорал утверждал, что даже выпускники, эти очень-очень взрослые маги «подвержены тем же опасным заблуждениям, потому что мы заперли их здесь, как наседок в курятнике, и готовим к чему угодно, но не к жизни в большом мире».

Вспомнив свои первые дни в Школе, Умма вдруг подумала, что там, за привычными и надежными стенами – огромный сложный мир, с которым она так и не научилась уживаться. И жалобно спросила:

– Бивочка, а что мы будем делать после Школы?

– Нашла о чем печалиться, – отмахнулась подруга, – до того еще пять лет!

Умма и Бивилка были одновременно и похожими, и очень разными. Обе невысокие, тоненькие, светловолосые, но Бивилка – шуплая, блеклая, с вечно разлохмаченной соломенной косичкой и мелкими чертами лица, а Умма – точеная, гибкая, с роскошными густыми волосами и сияющим глубоким взглядом. Бивилка походила на шустрого воробушка, а Умма была красавицей – не хуже эллорских эльфиек, как уверял Кинфер. Это не мешало искренней дружбе двух молоденьких магичек: Бивилка была не завистлива, а Умма – не горделива.

Непохожими они были и по натуре. Умма – осторожная, спокойная, не любящая потрясений. Бивилка – любознательная, целеустремленная и очень рассудительная для своих четырнадцати лет. Сказывалось бабушкино воспитание.

– Но куда мы пойдем после Школы? – жалобно спросила Умма.

Гости одолели двор, и девушка сползла с подоконника.

– Куда захотим, – Бивилка пожала плечами. – Или куда назначат. А что?

– Там, снаружи, все другое, – Умма вздохнула и обернулась на ярко-голубое небо. Небо было совершенно безмятежным и на ее тревоги желало плевать.

– Прорвемся, Уммочка, – уверенно заявила подруга, – мы ж маги!

– Колдовство! – повеселела Умма и красивым пассом сотворила на подоконнике фиолетовый цветок с мясистыми листками. Подергала его за лепестки. Цветок стал обиженно таять.

– Целый год учебы, – в комнату мягким кошачьим шагом скользнул Шадек, – целый год труда. Сколько новых знаний, перечитанных книг, доведенных до икоты магистров! Не сосчитать, не повторить. А твои фантомы, Умма, все такая же вялая дрянь!

Девушка возмущенно выпрямилась, уперла руки в бока.

– А стать неподражаема, – поднял ладони Шадек, – кто б спорил!

Умма махнула рукой. Шадек двинул пальцами, и подушка, не долетев до него, зависла в воздухе.

– Вот явится сюда магесса Шава да надает вам промеж рог за колдовство в жилом крыле, – Бивилка захлопнула крышку сундука и с укоризной посмотрела на друзей.

В руке у нее победным знаменем развевались бело-голубые носочки.

Подушка тут же упала на пол. С магессой шутки были плохи.

Умма уселась на крышку сундука.

– Тебе по делу дали допуск в женское жилище, Шадек? Или нарочно, чтобы фантомы мои обругать?

– Так все первогодки на природу собираются, магистры барьер снесли до выезда, – парень подмигнул. – Я б к вам раньше зашел, но едва ступил через порог, как другие магички едва не растащили меня по кусочкам!

Подушка все-таки настигла своего героя. Бивилка с видом победителя отряхнула ладони, но щеки у нее пылали и глаза она опускала.

– Нет на тебя магессы Шавы, дорогуша, – сказал Шадек и обнял подушку.

– А я не магией, я ручками, – Бивилка помахала ладошками с обкусанными ногтями. – И прекрати называть меня дорогушей!

– Нет предела женскому коварству, – Шадек развалился на кровати Уммы, – и ни в жизнь не поймешь, чего от вас ждать. Чисто осы злющие! А ежели такая оса – еще и магичка, так это смесь подреней тех, что варит в своей лаборатории ма...

Вторая подушка с уханьем накрыла оратора.

– Вот тебе! – звонко воскликнула Умма.

Бивилка рассмеялась.

– А ну брысь с Умминой кровати, Шадек! – рявкнул Кинфер, рывком открывая дверь. – А вы чего сидите? Ехать пора, вас одних дождаемся! По телегам, по телегам и вперед, к честно незаслуженному отдыху!

* * *

На природу ехали связками – каждая группа учеников расселась по телегам, которыми правили их магистры, и занималась своими делами, редко когда переглядываясь или переговариваясь с другими.

Шестеро целителей наперебой называли встреченные по дороге растения, а замешкавшимся ученикам раздавали щелбаны. Магесса Улайла, пожилая сухонькая магесса, наблюдала за игрой с живейшим интересом – похоже, она сама бы с удовольствием в нее включилась, если б положение позволяло.

Боевые маги, трое хмурых парней, негромко переговаривались, сдвинув головы, и делали вид, что происходящее вокруг их не занимает. Однако все знали, что эти трое замечают всё и всегда. Их опекатор правил телегой с таким же непроницаемым выражением лица.

Вторая пятерка бытовых магов затеяла шумную возню и так напугала свою лошадку, что магистр Эйрин едва ее успокоил. Коняшка еще долго норовила обернуться, обиженно трясла головой и фыркала, давая понять, что она думает о всяких шепотных магах и цветной дряни, которую те разбрасывают над ушами честных лошадей.

Еще троих учеников, как обычно, не было вовсе. Факультет Сопредельных Магических Наук, где пригrevали орков и гномов, жил своей собственной жизнью.

– Магистр, почему вы не позвали орков? – спросила Умма тихонько.

Кинфер, правивший телегой, все равно услышал и обернулся, страшно нахмутив брови.

– Сопредельщики не изучают боевую магию, – напомнил Дорал и тут же спросил: – Что это означает?

– Что с нами не поехали три бесподобных красавца, – еще тише, порозовев от смущения, ответила девушка.

Кинфер снова обернулся и погрозил ей пальцем.

– Нет, Умма, неправильно, – терпеливо поправил магистр. – Это означает, что сопредельщики не сдают экзамен. А из этого следует что?

– Что им не положено выезда на природу перед экзаменом. Я знаю. Но можно же было пригласить их? Так, за компанию?

– Эй, Оль! – повысил голос Кинфер. – А тебе не было видения о том, как кто-то балованный не научился вовремя закрывать рот и договорился у меня до...

– Было, было, – заверил Оль. – У меня по три раза за месяц такие видения, и что замечательно – непременно сбываются, – обернулся к Доралу. – Точно вам говорю, магистр, прорицательство – это самое мое!

– Напрасно шутишь, – ответил наставник, – у тебя действительно хорошие способности к прорицанию. Я всемерно поддержу тебя, если со второго года ты выберешь этот уклон.

Довольный Оль откинулся на борт телеги. Услышать от Дорала что-то подобное одобрению – не каждый день такое бывает.

Магистр нередко заставлял учеников ощущать себя неловкими и недалекими. Не потому что стремился сделать именно это, а потому что первогодки все никак не желали приучаться думать своей головой и больше надеялись на чужие. А тут Дорал с его невыносимой манерой пересыпать объяснения наводящими вопросами.

Магистр был молод, лет около тридцати. Высокий, сухощавый, с живым лицом и горящими глазами, с вечно растрепанными волосами до плеч, он выглядел человеком, забывшим повзрослеть и способным, страшно сказать, на дурачество. Ученики считали его своим в большей степени, чем любого другого магистра – пусть Дорал и «драл по три шкуры на занятиях», как уверял тот же Шадек, но молодые маги чувствовали некую свою схожесть с ним. Он многое знал, многое прощал, и с ним было интересно. Когда ученики не злились на него, то очень хотели вырасти такими же умными, все знающими и уверенными в себе, а еще такими же высокими, чтобы быть с Доралом на равных во всех отношениях.

– Ну а вы? – Магистр оглядел остальных магов, на каждом задержав спокойный и строгий взгляд. – Выбрали уклоны? До второго года учебы осталось три месяца, напоминаю на всякий случай, так что вам уже следует определиться. Умма?

– Травоведение и живология, – быстро ответила девушка и пояснила удивленному магистру: – Все прочее еще хуже. Я спокойного хочу, без трясок.

– Дело полезное, – подбирая слова, заговорил Дорал, – но далеко ты на нем не уедешь. Травоведов редко ставят гласными магами, а для переезжого у тебя, не обижайся, неподходящий нрав. Вот в паре с Олем вы бы сработались – гласной парой в большой город, два мага земного начала – достойная, надежная связка. Нет? Чем же ты хочешь заниматься? Поселишься в лесной избушке и будешь готовить составы от кожной зудянки на все селения окрест?

– Отчего это в избушке? – обиделась Умма. – Как раз напротив: устроюсь в каком-нибудь городе побольше, где каждый сам по себе. Только не гласником, а так... Буду понемножку людям помогать без лишнего внимания. Чем плохо-то?

– Ничем, – признал Дорал, но недоуменная морщинка у него на лбу не разгладилась. – А ты, Кинфер, что решил?

– Порталогия, – скупно бросил эльф.

– Прекрасно! – обрадовался магистр. – Обратите внимание: уклон на перемещения в пространстве – очень удачный выбор для мага, завязанного на воздушное начало! Гласником пойдешь?

– Не знаю, – все так же неохотно ответил Кинфер. – Там видно будет. Может, гласником, а может, в Эллоре поселюсь.

Теперь Умма посмотрела на Кинфера с негодованием, и тот почувствовал ее взгляд, повел плечами, словно устраиваясь в тесной рубашке, но не обернулся.

Шадек скорчил кислую рожу, наклонился к Умме и шепнул:

– Вот увидишь: осенью припрется из своего Эллора с заметиной в ухе, чисто коза из общинного стада.

– Бивилка? – спросил Дорал с таким живым интересом, что стало ясно: за любимую ученицу у него душа болит всерьез и загодя.

– Искательство, – серьезно ответила она.

Бивилке удалось поразить магистра: такого он не ожидал.

– Не знаю, девочка. Не уверен. Отдаю должное твоим устремлениям, но одобрить не могу. Не по тебе такой воз. Подумай еще.

– Искательство, – упрямо повторила Бивилка. – Меня научили: применять свой дар нужно полно, чтоб не было стыдно за недоданное. У меня сильный дар с водным началом, я смогу обучиться искательству – значит, не имею права братья за меньшее.

– Научиться-то сможешь – а использовать? Временами приходится искать – и находить! – страшное. Ты надорвешься. Я снова повторяю: тебе, самой молодой в вашей связке, стоит с двойной оглядкой подходить к некоторым разделам магии. Упорства и способностей тебе не занимать, а вот эмоциональной стойкости недостает – и в силу возраста, и по водной сути... Впрочем, на уклонных занятиях тебе дадут начальное представление об обратной стороне такого выбора. Передумать успеешь, и я буду рад, если передумаешь.

Бивилка упрямо сжала губы.

– И у нас остался Шадек, – с напускной веселостью продолжал Дорал. – Какой уклон ты выбрал, мой друг?

– Никакого, – насупил парень. – И выбирать не буду. Нечего меня в рамки пихать!

– Шадек, уклоны – это не ограничения, а...

– Еще какие! Как подписи на склянках аптекаря: вот состав от зубной боли, а вот – от хриплого кашля. Вот маг для того, вот маг для этого!

– Так вот, уклоны – не ограничения, а возможность углубленно изучать то направление магии, в котором твои таланты раскроются более полно.

– Они и без того раскроются.

– Как знаешь, – неожиданно легко отступил магистр и улыбнулся каким-то мыслям.

Дождавшись, пока друзья начнут тихонько переговариваться между собой, Умма вернулась к волновавшей ее теме, шепотом спросив:

– Магистр, а орки всегда такие, бесталанные к магии?

– Умма, сколько орков ты видела в Школе? И где они учились?

Магистр говорил негромко, но не понижая голоса нарочно, и Умма подумала, что другие наверняка все услышали. Ей стало неловко. Снова.

– Десятка два, – ответила девушка, ощущая себя еще и очень глупой. – На Сопредельном.

– Какой вывод из этого можно сделать?

– Что у орков редко бывает дар. И он всегда слабый. Отчего это так?

– Наверняка никто не скажет. Наиболее правдивым мне кажется вот какое объяснение: Божиня дает рога только бодливым коровам. Как ты знаешь, орки очень сдержаны в своих чувствах – не потому, что не проявляют их, а потому что не испытывают. Чтобы, скажем, расстроить или прогневать орка, нужно приложить значительные усилия. А что говорится в Преданиях про магию?

Услышав вопрос магистра, Шадек тихонько застонал и спрятал лицо в ладонях. Бивилка посмотрела на него осуждающе. К счастью, Дорал ответа не ждал и продолжил сам:

– Божиня дает магический дар тем, кто расположен использовать его для помощи другим людям. Приход к пониманию того, что дар необходимо применять во благо и для защиты ближних, и называется путем жизнепознания мага. А орки не могут пройти по нему именно в силу своей... душевной черствости, назовем это так. Определение не совсем верное, но мы немного упростим, согласны? К слову, у гномов, которые тебя, Умма, по понятным причинам не интересуют, тоже редко и слабо проявляется магический дар. И этому тоже есть хорошее объяснение: главным для гнома является его семья, и поставить общество выше своей многочисленной родни гном не может. Значит, что? Значит, гном тоже не способен пройти путь жизнепознания мага, и способности ему ни к чему.

– Но у некоторых они все-таки проявляются.

– Очень скромные. Говоря по правде, я не понимаю, зачем орки и гномы тратят время на учебу в Школе. Не поймите ошибочно: я всецело за то, чтобы все маги проходили обучение, могли пользоваться своим даром в полной мере и понимали свое призвание. Но те возможности, которые получают орки и гномы, потратив шесть лет на обучение, не дают почти ничего – ни им, ни людям.

– Люди, люди, – себе под нос пробурчал Шадек. – Только и слышишь, как мы выучимся и побежим делать всех их счастливыми.

– А чем плохо-то? – Оль добродушно улыбался. – Любой человек помогает другим: пекарь, аптекарь, рыбак да скорняк. А маги сколько всего могут – ого-го! Один толковый гласник может целную деревню в порядке держать. Чем тебе не по нраву? Это ж здорово, что мы такие уродились! Хочешь, чтоб маги были бесполезней скорняков?

– Да плевал я на пользу! – Шадек стукнул кулаком об ладонь. – Первым делом хорошо должно быть мне, а не кому попало. Что мне до чужих людей? Друзей выручать – это я понимаю. А ради незнакомцев жилы рвать – обойдутся!

Дорал вздохнул.

– Все говорят нам о долге, – продолжал Шадек, распаляясь, – вот такенную плешь проели нудежом про то, как маги всем чего-то должны. Отчего никто не говорит, что другие тоже что-то должны магам? И ни одна орясина не скажет главного, ради чего мы за все это взяли! Мы что, просто так побросали свои дома и ввязались быть должными Школе всю жизнь? Нет же, мы сделали это потому, что быть магом – просто невысказанно здорово, а все прочее может катиться куда пожелает!

Дорал смешно изогнул брови, посмотрел на Шадека так, как мать глядит на не в меру взрослое дитя.

– И что же, предел твоих желаний – взять этот здоровский дар в охапку и бегать с ним кругами по всему миру, визжа от восторга?

– Вы так говорите, магистр, словно в этом есть что-то плохое.

Кинфер хмыкнул – не понять, одобрительно или нет.

Бивилка смотрела на Шадека зачарованно, но то и дело хмурясь, все пыталась что-то сказать и не могла понять, чего в ее чувствах больше: порицания недостойной мага позицией или же тихого восхищения честностью и прямоотой друга. Бивилка глазела на Шадека с таким самозабвенно-глупым лицом, что Умма пнула ее под коленку и сделала страшные глаза.

Оль выслушал тираду друга внимательно и хотел было поспорить, но с лёта не смог сложить слова красиво и махнул рукой.

– Шестнадцать лет – самый подходящий возраст для того, чтоб считать себя главным человеком в Идорисе, – спокойно проговорил Дорал. – Я бы сказал, что в этом нет ничего страшного, что за пять лет твое мнение еще поменяется. Но беда в том, что это неправда. Наш подход к обучению молодых магов не способствует таким изменениям. Я много говорю о том, что Школа выпускает поразительно неподготовленных к жизни магов. Мы зря запираем вас в городе, вы тут забываете, как живут обычные люди, вы не примеряете свои таланты на их повседневную жизнь. Впрочем, это очень обширная тема для обсуждения. Наверное, требуется участить ваши занятия со жрецом.

– В Преданиях говорится, что всякий маг должен сам проложить тропку на путь жизнепознания и не годится ему действовать по принуждению! – забеспокоился Шадек. – Заставите слушать жреца хоть на вздох дольше нынешнего – сбегу из Школы!

– И куда направишься? – участливо, почти издевательски-участливо спросил Дорал. – Домой? Ну что же, если там тебя, на зависть большей части прочих магов, ожидают с хлебом-квасом... Ведь твои родители – не маги, я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – выражение лица Шадека было непроницаемым. – Не ожидают.

– Как и многих других, кто принял решение учиться в Школе, – магистр хотел похлопать Шадека по плечу, но опустил руку, увидев выражение его лица. – Рядовые ортайцы нечасто поддерживают своих детей в подобных начинаниях, справедливо считая, что в сущности теряют их. Шесть лет учебы – в то время, когда в любом хозяйстве пригодилась бы лишняя пара рук, в то время, как ваши погодки заводят семьи и собственных детей. А потом что? Должность гласного мага в каком-нибудь городе, не обязательно ортайском, или жизнь переезжего мага, собственные представления о мире, обширные возможности, совсем иные интересы. Маг, пришедший учиться в Школу, обретает возможность в полной мере использовать свой дар – но и жертвует многим. Можно сказать, что на алтарь магии он кладет всю свою привычную жизнь. Редко какая семья одобрит подобное.

– Мы-то думали, ты такая ж пришибленная, как бабка, – очень тихим и очень противным голосом протянула Умма, – а ты еще свихнутее, зараза! Та хоть тишком чаровала, из деревни носа не двигала, а ты вона куда наладилась!

– И жрецы всерьез думают, что мы идем на все это ради помощи чужим людям, – едко добавил Шадек и отвернулся.

– Все равно ты придешь именно к этому, как бы ни брыкался, – Дорал вытянул скрещенные в лодыжках ноги и принялся собирать со штанин соломинки. – Ты же знаешь: маги иногда даже погибают, спасая людей от напасти. И заметь, не оттого, что их к этому принуждают... А в сей вздох мы возвращаемся к магическим талантам гномов. Представляете, как редко встречаются гномы, способные оставить свои семьи так, как это вынуждены делать многие из вас?

Молодые маги понимающе закивали.

– Получается что? Получается, что раз Божиня создала их семьяниками, то по замыслу самой же Божини магический дар гномам ни к чему.

– Тем хуже для них, бесталанных, – заявил Кинфер и на всякий случай грозно обернулся к Умме. – И для лишенных дара, и для тех, кому не по зубам оборонная магия. Пусть сидят себе в Школе тихонечко, нам и без них хорошо!

В Тамбо ученики были почти заперты в течение всех шести лет обучения. Им не воспрещалось перемещаться по городу и выбираться за его пределы, но лишь в свободное время, которым отнюдь не баловали. После заката ворота Школы запирались, и даже маги последних лет обучения предпочли бы месяц питаться холодной овсянкой, чем не успеть вернуться в Школу до заката и навлечь на себя гнев магессы Шавы.

Уехать из Тамбо можно было лишь на месяц отъезды один раз в год. Эти отъезды, да короткие вылазки в город, да еще редкие выезды на природу вроде нынешнего – вот и все внешкольные радости учеников.

Теперь, удалившись достаточно далеко от Тамбо, они поначалу воспринимали все окружающее с жадным восторгом. Редко когда приятные, но непримечательные весенние пейзажи удостаивались такого внимания.

Однако за время пути умиляться поднадоело даже целителям. Тележки все ехали и ехали, наставники молчали, цель поездки никак не показывалась.

Шадек с прищуром следил за темной стеной высоченных сосен у левого края тракта. В свете заката лес становился похожим на гигантскую щетинистую тучу, между зубьями которой растекается живой кровавый огонь.

– Эй, цаца ушастая, – Шадек дернул Кинфера за рукав, – это что, пизлыкский лес?

Неподалеку оглушительно застрекотал кузнечик.

– Пизлыкский, – кивнул Кинфер. – Боишься троллей?

– Весь трепещу, – кисло протянул Шадек, не сводя с бора глаз.

– Тролли почти не выходят из чащоб, – подала сзади голос Бивилка. – А еще же они неагрессивны и разумны.

– Да? – не поверил Шадек и прищурился на лес с еще большим подозрением.

Бивилка облокотилась о борт рядом с ним.

– Тролли живут во всех краях Идориса, где есть большие леса. Они не опасны, а некоторые даже знают общую речь.

Шадек смотрел на Бивилку так, словно ожидал, что она вот-вот расхохочется, но магичка была спокойна и серьезна. Дорал молчал, отвернувшись.

Телега целителей под управлением магессы свернула с тракта, нырнула в длинные тени, направилась к зловещей зубастой туче.

– Да будет вам, – не поверил эльф. – Отдых под сенью пизлыкского леса?

Боевые маги повернули следом за целителями.

– Однако, – вновь заговорила Бивилка, – в этих лесах все-таки водятся опасные создания – оборотни, змеи, мавки, кикиморы...

Девушка умолкла.

– Драконы, – подсказал Кинфер. – Демоны. Слоны.

– Не смешно, – строго ответила ему Бивилка.

Дорал хлопнул Кинфера по плечу, указал подбородком на тропку, и эльф послушно направил телегу следом за остальными.

* * *

После заката похолодало. В темноте лес уже не выглядел жутким – просто очень большим и чуточку пугающим, словно древний гигант, прикорнувший неподалеку от тракта. Молодые маги, завернувшись в куртки и обхватив кружки с вином, сгруппировались вокруг трех костров. Магистры развели для себя четвертый. Шатер у них был попросторней ученических палаток,

да и вино наверняка получше, зато ели все одно и то же: холодное сало с мясными прожилками, свежие ржаные ковриги, овощи и зелень с пришкольного огорода, на котором оттачивали умения травоведы.

Оля упростила рассказать байку. Друзья очень любили его истории: про людей и магов, про красавиц и чудовищ, про дальние страны и придуманные края. Обычно Оля упрашивать не приходилось, он и сам был рад рассказать новую сказку, но сегодня присутствие боевых магов его смущало. И напрасно: те, хотя и хранили обычное непроницаемое молчание, смотрели и слушали очень внимательно.

– И тут береза начинает стегать Пачерика ветвями и норовит, зараза, по глазам угодить. Через забор сигает волчище, клыки – во! И пасть в пене.

Боевые маги устроились рядом друг с другом и немного в сторонке от остальных. Они не разговаривали, были собранные и серьезные, и даже вино не оказало на них видимого влияния.

За эту вот вечную серьезность их и недолюбливали. Уважали – да. Но обходили стороной.

– Пачерик к забору – береза не пускает! К калитке – там волчище зубами клацает! Вперед напролом – а там гарпия здоровущая! Когти – вот такенные, клюв блестит от яда!

Умма слушала, разинув рот. Кинферу под влиянием вина и Олевой сказки мысль о бешеных медведях перестала казаться невозможной, и эльф гадал, что за чудище Дорал подсунет ему на экзамене. Шадек делал вид, что не слушает, похрустывал пальцами и бросал на Бивилку многозначительные взгляды. Та смущалась и дергала нитки из бело-голубых носочков.

– Пачерик назад, а там – сруб. Косой, черный, ставни заколочены. Пачерик было подумал – сруб заброшен, а потом глядь: дым из трубы валит. Оранжевый! Кто-то ждал Пачерика внутри, заманивал в ловушку. Но делать нечего – и бросился он внутрь!

Оль замолчал, сделал хороший глоток вина из своей кружки и поворошил длинной веткой поленья. Костер встрепенулся, разгорелся ярче.

– В доме – грязь, пыль, мракота. На потолке – паутина лохмами. Из угла – шипение, с чердака – чавканье. В печи – желтый огонь. На огне котел. Воняет – жуть. А у печи – старуха. Вся в черном! В руке – кочерга раскаленная! И смотрит на Пачерика!

В этот вздох отблеск костра выхватил из темноты женский силуэт в черном платье. Он медленно надвигался.

Кинфер и Умма вцепились друг в друга и заорали. Бивилка и Оль шарахнулись, стукнувшись плечами. Шадек тоже завопил и швырнул в темный силуэт кружку. Трое боевых магов невероятным образом откатились назад из сидяче-лежачего положения, исколов спины засохшей хвоей.

– Вы чем тут занимаетесь? – Магесса Улайла возникла в свете костра, потирая ушибленный кружкой бок. – Поеданием сушеных бдыщевых хвостов? Или по весне всем скопом взбесились?

Оль отнял ладони от лица:

– Хвалимся друг перед дружкой успехами в учебе.

Улайла окинула взглядом охающих боевых магов, помидорные уши Шадека и Умму, так и не отпустившую Кинфера.

– Ничего не хочу знать, – решила магесса. – На дворе ночь, впереди важный день – сей вздох всем в палатки и спать!

Боевые маги потирали спины. Умма, смутившись, отступила на шаг от эльфа. Шадек так и не поднял глаз. Магесса прищурилась:

– Спокойной ночи, мои бесценные, быть может, будущие маги.

Под ее тяжелым взглядом ученики рассеялись по палаткам в единый вздох.

* * *

Около полуночи он решил, что выжидал достаточно. После полного событий дня, проведенного на свежем воздухе, да после выпитого вина все нормальные люди и эльфы уже спали.

И не вполне нормальные магистры магии – тоже.

Он подобрался к девушке и наклонился над ней. Так низко, что она могла бы почувствовать его дыхание на своей шее. Но она крепко спала.

– Эй, дорогуша, какого демона? – Шадек потряс Бивилку за плечо.

Она проснулась и тут же села, чуть не стукнув Шадека лбом.

В палатке было светло: парень подвесил под пологом пульсирующий желтый шарик.

– Я... – Девушка потерла ладошками щеки и огляделась. – Я заснула.

– Правда? – изогнул бровь Шадек. – А я думал, уклоняешься от поединка, вероломная дева.

– Не надейся, – бело-голубые носочки вынырнули из-под одеяла и шурнули по полу в поисках ботинок. У матрасика оказался только один. Левый. – Я настаиваю, что талант, помноженный на знания и практику, стоит больше таланта, помноженного на чутье и везение, Шадек.

– А я настаиваю, что невыразимое занудство не к лицу молодой неглупой деве, – парировал Шадек. – Будь ты права – размазывала б меня по полю на каждом поединке, а у нас всегда ничья – и лишь потому, что я опасаясь тебе навредить, дорогуша.

– Не называй меня так! – повысила голос Бивилка. – О, ботиночек!

– А как ты хочешь, чтобы я тебя называл? – промурлыкал Шадек и наклонился к девушке.

Бивилка немедленно залилась краской. Нахальные серо-голубые глаза оказались слишком близко. И длинные темные волосы. Тоже... нахальные. Так и хотелось зарыться в них ладошками.

Бивилка спрятала ладошки за спину.

– Зачем ты непрестанно смущаешь девочку, хищный аспид? – Кинфер протяжно зевнул и тоже сел, шурясь на светящийся желтый шарик.

Шадек обернулся к эльфу:

– Нет, ну а чего она?!

– Расшуме-лись, – Умма подняла голову, поморгала. – Уже пора?

– И они говорят – я раздолбай! – Шадек скорбно покачал головой. – Они позасыпали, а я раздолбай!

– А где Оль? – перевел тему Кинфер и внимательно оглядел палатку. Будто в ней было, где спрятаться.

– Он ищет подходящую полянку. Хоть кто-то не теряет времени!

– Сон – вовсе не зряшная трата времени, – Бивилка покрутила кистями. – Он помогает восстановить силы и освежить мозги. Сонный маг действует не так плодотворно!

– А, так вот зачем ты завалилась спать! – обрадовался Шадек. – Думаешь получить перевес в поединке? Вероломная дева!

– Да я, – задыхнулась Бивилка, – да чтоб я такое, Шадек... Никогда! Я ж в открытую всегда. Чего-нибудь швырнуть в тебя или обругать – всегда пожалуйста, но вероломства во мне ни капли!

Полог палатки откинулся, и четверо магов дернулись. Повеяло прохладой, хвойным духом и грозовой свежестью, хотя небо было чистое, звездное.

В палатку ввалился раскрасневшийся Оль. Над головой у него светился серебристый шарик.

– Ага, готовы! – обрадовался он и упер руки в бока, став поперек себя шире. – Ну что, поединщики бесценные, полянка нашлась неподалеку. Это новость хорошая. А плохая – я б вам не советовал в лес вылезать.

– Там что-то есть? – шепотом спросила Умма.

Оль скривился. Серебряный шарик, висящий над его макушкой, кидал на лицо жутенькие тени.

– Ничего не видел, ничего не слышал. А беспокойно там было.

– Одному в ночном лесу ему было беспокойно – да с чего бы? – съязвил Кинфер. – Полянка недалеко, нас там будет пятеро... Эти двое умяются довольно быстро, и, если они не подожгут лес, совсем скоро можно будет вернуться и поспать.

Умма зевнула и откинула одеяло.

* * *

Полянка оказалась в самый раз, не придаться: достаточно просторная, неподалеку от лагеря и при этом надежно скрыта от него деревьями и густым подлеском.

Бивилка и Шадек стояли лицом к лицу: выпрямившиеся, с одинаково задранными носами и сосредоточенными лицами. В сторонке следили за действием остальные: Оль – с добродушной усмешкой, Умма – взволнованно посапывая, Кинфер – со скупающим выражением лица.

Наконец Шадек, в последний раз осмотревшись, глубоко вдохнул и мерно, четко, красивым глубоким голосом заговорил:

– Почитая убеждения магов, идущих дорогой поиска...

– Стремясь обрести справедливость и прикоснуться к истине, – напевно подхватила Бивилка.

– Не испытывая ожесточения...

– Не пытаюсь уйти от назначенного...

Тут оба перевели дух и вместе закончили:

– Вызываю тебя на поединок и принимаю всю тяжесть возможных последствий.

– Это который раз? – вполголоса спросил Оль, полуобернувшись к эльфу. – Восьмой?

Кинфер кивнул.

– Когда им уже обрыднет? – Оль сложил руки на груди. – Как дети малые, право слово.

– Надеюсь, в этот раз лекарь не понадобится, – пробормотала Умма и дернула Кинфера за рукав. – Сходим потом на ту сторону? По-моему, там куст крушины.

Шадек медленно поднимал левую руку. Вокруг ладони колыхалось бледное оранжевое свечение. Правую так же медленно заводил за спину. По пальцам сновали тусклые голубые сполохи.

– Да не тревожься, – улыбнулся Умме Оль. – У нас в лагере целая палатка целителей!

Девушка вздохнула.

О том, что друзья пострадают всерьез, речи не шло: заклинаниями кидались в половину силы. Но после одного из поединков у Шадека осталось три длинных шрама на плече, а после другого у Бивилки до сих пор не сошел след ожога с левой ляжки. А уж без подвернутых ног, разбитых носов, подпаленных прядок и царапин не обошлась еще ни одна стычка.

Шадек бросил заклинание, Бивилка легко качнулась и без труда увернулась от огненного сполоха.

Кинфер проводил пламя встревоженным взглядом – лес! Но текущий огонек исчез сам, едва миновав верткую магичку. Та выставила перед собой слабенький щит и той же рукой метнула в Шадека пару широких голубых лезвий.

– Сдурела?! – охнула Умма, однако Шадек даже бровью не повел и неуловимым взмахом развернул клинки обратно.

Бивилка заметалась – было видно, как едва не заплелись друг о друга ноги в бело-голубых носочках. Клинки всосались в щит, и тот с комариным звяканьем лопнул. Другой рукой Шадек уже бросил следом длинную серебристую молнию.

– Да что он делает? – воскликнул Кинфер.

Бело-голубые носочки исполнили еще один хаотичный пляс, и от молнии Бивилка увернулась. С короткого замаха бросила в Шадека горсть болотно-зеленых шариков – парень ответил дугообразным щитом, по которому размазалось смердящее содержимое. Тут же следом Бивилка швырнула огненную Сеть, сильное атакующее заклинание.

– Ты глянь! – Оль аж рот разинул. – Это у ней-то вероломства ни капли? А когда у нее было время Сеть плести? Загодя ж ведь на руку подвесила!

Шадек прыгнул в сторону, прокатился по земле, избежав палящих ячеек на какую-то ладонь. Не вставая, запустил в Бивилку рой мошкеры. Девушка взвизгнула и замахала руками.

Маг поднялся. Сеть, почернив опавшую хвою, исчезла.

– Они что, впрямь друг друга убить решили? – Кинфер обернулся к Олю.

– Еще одна такая выходка – я беру Билку в охапку и тащу в палатку, – решительно заявил тот. – А ты с Шадеком разбирайся.

Бивилка, отмахавшись, подняла ладони, нерешительно забормотала, не сводя глаз с рук Шадека. Тот небрежно выставил перед собой хрустально-прозрачный щит.

Но умирающая птица, брызжащая кровью и судорожно дергающая крыльями, свалилась ему на голову сверху.

– Ты что, разума лишилась?! – завопил Шадек, отбрасывая бьющуюся тушку.

Вытаращенные глаза и отвисшая челюсть Бивилки убедили его куда лучше растерянного:

– Это не я...

Все пятеро одновременно задрали головы, и почти тут же глазастый Кинфер воскликнул:

– Гарпия!

Бивилка и Шадек, разом забыв о своих разногласиях, отступили к друзьям. Сбившись в кучку, маги смотрели, как крупное, в половину человеческого роста существо закладывает неспешный вираж над поляной. В свете луны блеснул огромный крючковатый клюв и когти, которыми оканчивались крылья.

– Что она тут делает? – испуганно прошептала Умма.

Гарпия уселась на верхушку сосны.

– Символизирует, – ляпнул Кинфер.

– Что? – Оль оторвал взгляд от страшной птицы.

Эльф потер лоб, сам не вполне понимая сказанное.

– Гарпия – символ мести, – решил он наконец. – И она прилетела на место поединка.

Гарпия встряхнулась, осыпая с веток иглы, издала глухой крик, похожий на смешок. В темноте было непонятно, смотрит она на магов или им лишь чудится.

Захлопали гигантские крылья, и на другую сосну село второе существо, неотличимое от первого.

– В Ортае ведь не водятся гарпии, – озадаченно заметила Бивилка. – Только в Даэли и восточной Алонике!

Третья гарпия спикировала на поляну, растопырила крылья, наклонила голову и зашипела.

Маги попятились.

– Предлагаю кликать наставников, – решил Оль.

После недолгой паузы Кинфер озвучил то, о чем наверняка подумал каждый:

– А что мы им скажем? Что пошли среди ночи в лес набить друг другу лица, а тут вдруг гарпии, разберитесь с ними, пожалуйста?

Захлопали крылья, и две другие гарпии тоже приземлились на поляну.

– Давайте уйдем, – взмолилась Умма. – А потом уже решим, что делать.

– Давайте, – кивнул Шадек, оценивающе оглядывая крупных недружелюбных полуптиц. – Не драться же с ними.

– Х-ха! – заявила одна из гарпий и сильно скребнула лапой. На земле осталась глубокая борозда.

– Уходим, – согласился Оль.

Гарпии, вопреки тайным опасениям магов, вдогонку не кинулись. Но все пятеро спокойно вздохнули только шагов через полсотни, когда странная полянка скрылась за деревьями.

– Нет гарпий в Ортае, ну нет же! – надрывно шептала Бивилка. – И еще они не переносят хвойные деревья, селятся только в лиственных лесах. Очень редко – в смешанных. Но чтоб гарпия уселась на сосну?..

– Дорал разберется, – отмахнулся Кинфер. – Или не разберется, если ничего ему не скажем. Честно говоря, я бы сделал вид, что ничего не видел, и лег уже спать.

– Гарпии не любят сосны? – переспросил Шадек. – Смола клеит перышки?

– Им не нравится сущность, истекающая от хвойного дерева, – без улыбки пояснила Бивилка. – Гарпии очень чувствительны к ней, она для них так же неприятна, как для нас – беспрерывный грохот.

– Какие нежные, – удивился Оль. – А с виду ведь не скажешь! Чучело чучелом, страшное же, а на деле ты глянь, какая неженка! Сосенка ей звучит не так, ну ты подумай!

– Внешность обманна, – протянул Шадек и рассеянным взмахом подвесил над головой желтый светящийся шарик: в лесу было много темнее, чем на полянке. – Возьми хоть нашу Бивилку: вроде как ничего такого, просто невзрачная дева с излишним усердием к учению...

Переступая через торчащие корневища, парень умолк.

– Ну а на деле? – не выдержала Бивилка.

Девушка старалась, чтобы голос ее звучал легкомысленно и весело, но получилось все равно смущенно и взволнованно.

– А на деле – умная, вредная и злющая как змея, – отрезал Шадек и принялся что-то высматривать наверху.

Бивилка надулась и уставилась под ноги.

– Значит, наставникам говорить не хотите? – спустя время нарушила молчание Умма.

Оль и Кинфер решительно помотали головами. Бивилка дулась. Шадек продолжал что-то высматривать.

– Но гарпии очень опасны, а там их целых три, – настаивала Умма. – Вдобавок это просто странно! Гарпии летают по Ортаю, хотя их не должно здесь быть. И сидят на соснах, на которых не должны сидеть. А неподалеку – лагерь, в котором все спят!

– Хотя не должны спать! – вытаращил глаза Кинфер. – Давайте их разбудим! Расскажем про гарпий, сидящих на соснах посреди Ортая. Заодно расскажем, зачем нас носило ночью по лесам.

– А если они нападут на лагерь? – Умма остановилась. – Они могут убить нескольких человек, пока остальные что-нибудь сделают! Мы должны оповестить наставников, даже если нам влетит за это!

– Мы не можем ни о чем оповестить наставников, – сказал Шадек и тоже остановился. – Мы заблудились.

* * *

– От лагеря мы шли вперед и вправо, от поляны наоборот – влево, а после – прямо, – размахивая руками, рассуждал Оль. – Я ведь сам ходил этим путем, вот только что же! Не могли мы заблукать. Где тут блукать-то? Две сотни шагов до лагеря!

– Мы уже больше прошли, – Шадек стоял, прислонясь плечом к сосенке и сунув руки в карманы штанов. Спокойно ждал, пока друзьям надоеет спорить. – Если б мы шли правильно, то уже вернулись бы в лагерь. Или просто из леса вышли. А мы все еще в нем.

– Быть не может, – Бивилка сложила руки на груди. – Я никогда не блудю.

Шадек ухмыльнулся.

– Как мы могли не выйти хотя бы к опушке, если шли в нужную сторону? – недовольно спросил Кинфер.

Умма тоже привалилась к стволу дерева. Запоздало подумала, что смола угваздает жилетку, не очень новую, но очень любимую, сшитую из кусочков мягкой оленьей кожи.

Запал у друзей закончился: могли или не могли, а они заблудились.

Кинфер щелкнул пальцами, подвесив рядом с бледно-желтым светлячком Шадека еще один, медового цвета.

– И что будем делать? Вернемся на поляну и попробуем снова?

– Там гарпии, – напонила Умма.

– Так они нас сожрать не пытались, – возразил Кинфер. – Мы обниматься к ним не бросимся, мы просто взглянем на полянку.

– Как-то мне не верится, что мы теперь ее найдем, – после недолгого молчания признался Оль. – И вообще, знаете, есть такая чуйка, будто неладно что-то с этим лесом. Пизлык все ж. Да еще и ночь.

Бивилка бочком придвинулась поближе к Шадеку. Умма искоса глянула на Кинфера. Тот покусывал губу, пялясь в какую-то точку над головами друзей, а потом вдруг спросил:

– А у кого-то из нас есть красные светляки?

– Светляки не бывают красными, – Бивилка посмотрела на него с укором. – Только золото и серебро. Иногда еще светлая зелень. Ты что, Кинфер?

– Плохо, – протянул эльф, – потому как за твоей спиной светятся две красные штуки.

Маги, пятясь и не сводя глаз с красных огоньков, сбились в кучу. Оль выставил перед собой щит и оглянулся на Бивилку.

– Что это такое?

Еще две пары огоньков появились справа и стали приближаться. Маги пятились. Щит плыл следом.

– Билка, – повторил Оль, – это чего?

– Да откуда мне знать?

– Ты же у нас самая ученая!

– Так меня не учили узнавать чудищ по блеску глаз!

Слева вынырнули еще шесть красных огоньков, покрупнее прочих.

– Может, резуны? – Под ногой Шадека громко хрустнула ветка, парень вздрогнул и добавил несколько слов шепотом.

– Резуны? – переспросил Кинфер и подхватил под локоть оступившуюся Умму.

– Ну эти, – смутился почему-то Шадек, – нетопыри-вампиры. Которые в лесах живут.

– Вампиры? В первый раз слышу о нетопырях-вампирах!

– Я ходил на расширенный курс живологии, – смутился Шадек.

– Резуны очень редкие, – влезла Бивилка. – Размножаются вяло, в Ортае их почти нет. Они больше в Даэли водятся...

– ...как всякая прочая дрянь, – вставил Оль.

– ...там условия для них лучше, сплошные леса. А в Ортае очень, очень мало резунов.

– И все они нынче здесь, да?

Под ногой Шадека снова хрустнуло, и парень опять вздрогнул.

Новые огоньки появлялись слева, справа и спереди. То одна, то другая пара рывками приближалась к магам.

– По-моему, пора бежать, – прошептала Умма и сжала пальцы Кинфера так, что он зашипел от боли.

Оль, сделав еще шаг назад, наступил ей на ногу.

– Пора, – согласился он.

Резуны будто бы только того и ждали, чтобы кинуться вперед.

Все смешалось – мелькание стволов, заполошенное дыхание, красноглазые тени слева и справа. Шарики света то слепили глаза, то путали тени, взмывая вверх. Засохшие иголки разрезались под ногами, забивались в ботинки и кололи ноги.

Бежали маги так долго, что казалось, вот-вот должны выскочить с другой стороны многоверстового леса. В боку кололо, в груди стучало, дыхание перехватывало. А резуны и не думали отставать, казалось, что они держат скорость играючи. И не нападают лишь потому, что люди еще недостаточно вымотались и способны сопротивляться.

Когда впереди заблестела водная гладь, магам в первый вздох показалось, что это пелена пара над демоновым котлом, куда их сей вздох всей кучей сбросят.

Над озером расстилались рваные тонкие клоки тумана, меж ними блестела под луной вода. Берег вдавался в озеро длинной, в сотню шагов полосой, которая постепенно истончалась и заканчивалась каменистым островком с пологими берегами.

Запыхавшиеся маги добежали до островка и поняли, что дальше придется удирать вплавь. А потом сообразили: за ними больше не гонятся.

– Не хотят... вылезать из леса... – проговорил Оль.

Он стоял согнувшись, опершись руками на колени. Дышал хрипло, глубоко.

– А чего хотят? – Кинфер, отдуваясь, вытер лоб, откинул на спину длинные светлые волосы.

– Ждать? – стукнула зубами Бивилка. Она опиралась на руку Уммы и поджимала левую ногу.

– Чего ждать? Рассвета? – Умма заботливо поддерживала подругу, хотя сама пошатывалась.

В глубокой темной воде тяжело плюхнуло. Было видно, как разбежалась рябь.

Шадек огляделся. Островок выглядел совершенно незащищенным. Песчаная дорожка к лесу, два пологих каменистых берега, один отвесный. Несколько больших валунов и множество камней помельче. Пять молодых магов.

Пять магов, которые мало что видели в темноте, но которых из леса было видно очень хорошо.

– Мне кажется, – тихо сказал Шадек, – мы не убежали. Они загнали нас сюда.

Плюхнуло снова, уже громче. В мутном свете желтых шариков мелькнула над водой бледная, пучеглазая, почти человеческая голова. Вынырнула до половины объединенного носа и снова погрузилась в озеро.

– Утопась, – обалдело прошептал Оль.

Заплюхало уже с двух сторон, там и сям под водой разбегалась рябь – не менее двух десятков существ быстро двигались от берегов озера к одинокому островку.

* * *

– Щиты! – сообразил Шадек. – Ставим щиты!

В длинном перечне опасных существ утопари занимали далеко не почетные места. Медлительную нежить с шаткими зубами и размягченными когтями можно было посчитать за угрозу только из вежливости: даже ребенок не станет дожидаться, пока вонючее месиво доплюхает до него и попытается зажевать насмерть.

Но если утопарей несколько десятков? И единственный путь к бегству занят летучими кровопийцами? К тому же молодые маги, зажатые на островке посреди ночного леса, прежде видели утопарей разве что на картинках.

Из тишины учебной комнаты нежить и, к примеру, драконы выглядели почти одинаково: все знали, что в Недре, самом северном крае Идориса, еще встречаются драконы, и все знали, что в Идорисе водятся утопари и другая нечисть. Но встречать эту самую нечисть ортайцам доводилось не так уж часто, а за городскими стенами о ней забывали вовсе.

– И что теперь? – Оль замкнул кольцо щитов последним полупрозрачным листом и обернулся к Шадеку.

Тот оглядел круг защитных ограждений – пять шагов в поперечнике, в середине – обескураженные маги – и честно признался:

– Не имею представления.

Первый утопарь, шатаясь, выбрался на берег. Был он на голову ниже взрослого мужчины и много тоньше, безволосый, сутулый, с большой головой. Серо-зеленая бескровная кожа мерзко блестела от воды и слизи.

С утробным ворчанием утопарь побрел к магам. Щитов словно и не заметил, пока не уперся в один из них. Уперся и продолжал брести, перебирая ногами на одном месте, пялился бессмысленными глазами на тех, кого не мог достать.

– Гадость, – сообщила Умма.

На берег выбрались еще три утопаря – в точности такие же, как первый. И сделали в точности то же, что и он.

– Щиты продавят, – шепнул Оль.

– Не продавят, – уверенно возразил Шадек.

Он стоял, сложив руки на груди, и наблюдал за вылезающей на берег нежитью со спокойным интересом.

– Пospорим? – предложил Оль и отступил на полшага.

Щиты постепенно облепляли. Мутно-голодных глаз становилось все больше.

– Что ставишь? – поднял бровь Шадек. – Дедулин фолиант с гравюрами?

– Хе, чего захотел!

Постукивания лбов и рук сливались в непрерывную чавкающую дробь. Вокруг щитов вырос уже целый пласт нежити, а утопари все продолжали вылезать из озера.

– Я боюсь. – Умма обхватила плечи руками. – Боюсь и замерзла. Как вы можете спокойно смотреть на эту мерзость? И еще шутите.

– Я вовсе не спокоен, – возразил Оль. – Мне они тоже не нравятся.

– Да не проломают они щиты, – отмахнулся Шадек. – Потому как и не ломают. Поупираются мордами, да расползутся с рассветом. Расползутся же?

Умма села прямо на землю.

– Я до рассвета с ума свихнусь. И закоченею. Был бы тут хворост – мы бы развели огонь.

Бивилка, до сих пор потерянно молчавшая, вдруг оживилась, сделала шаг к щитам, отделившим магов от монстров. Те оживились и ускорили движения. Девушка тихонько зашептала

что-то, выделявая обеими руками сложные пассы, а потом перебросила Сеть над ближайшим щитом прямо на утопарей.

Монстры отпрыгнули с неожиданной ловкостью, захрипели. Остановились поодаль, глядя на медленно тающие ячейки.

– Они боятся огня! – воскликнул Шадек.

– Поразительно, правда? – буркнула Бивилка, продолжая быстро выплетать новые Сети и выбрасывать их за щиты.

Друзья принялись помогать. Утопари сначала неохотно пятились, а потом развернулись и побрели в воду, враз потеряв интерес к магам.

– Вернутся, негодяи, – прозвучал в наступившей тишине голос Кинфера, – отмокнут и вернутся.

– Щиты не будем убирать, – решил Шадек. – А хворост давайте поищем. Согреться и впрямь очень хочется!

* * *

У самого обрыва нашлась крупная коряга, которую поначалу в темноте приняли за неровность почвы. Куски коры пошли на растопку.

– А что дальше? – спросила Умма. Одним боком она развернулась к костру, другой грела о Кинфера.

– Ожидать утра, чего ж еще, – Оль сидел, протянув к огню руки, поворачивал ладони вверх-вниз, – утром непотребство расплзется и в лесу посветлеет.

– И что будем делать? Искать дорогу к лагерю? Кто помнит, как мы сюда бежали?

– Умма, не дури, – Шадек сидел ближе всех к костру, поджигал тонкие ветки и наблюдал, как по ним ползут огоньки. – Мы приехали с северо-запада, лагерь был западнее леса. Значит, пойдем на запад. К тому же, – кивнул на Бивилку, – эта вредина хорошо чует дорогу.

– Я никогда не блудю, – подтвердила девушка.

– При этом ночью мы потерялись в сотне шагов от опушки, – напомнил Кинфер, – а где она теперь – можно только гадать.

– Предлагаешь сидеть тут и плакать? – Умма закинула голову, поглядела на него снизу вверх.

Эльф легонько щелкнул ее по носу.

– Единое, что остается, – подытожил Оль, – двигать на запад с рассветом. В хорошем случае мы вскорости выйдем из леса, отыщем лагерь, а там нас Дорал придушит. В плохом случае мы из лесу не выйдем и сгинем в чаще. Толковый план.

Шадек хмыкнул:

– Если у кого есть другие мысли – я готов их выслушать, обдумать и обсмеять.

Бивилка, смешно задрав острый подбородок, смотрела на небо. Оно уже чуточку светлело или просто так казалось? И еще там, наверху, что-то двигалось – небольшое, темное, очень быстрое.

Девушка вскочила и заверещала, тыча пальцем вверх. Остальные тоже повскакивали.

– Это чего еще?! – Оль мотал головой, но существа носились стремительно, не давая разглядеть себя.

– Резуны! – Шадек выставил щит наверх. – Эти гады все тут раздолбают!

– Ну нет! – Кинфер принялся затыкивать второй ряд щитов. – Пусть лучше меня Дорал придушит!

Два нетопыря кинулись вниз, сложив крылья, и верхний щит с тихим звяканьем исчез. Третье существо спикировало на Оля, тот рухнул между щитами и костром, больно ударился подбородком, разбил губу. С неожиданным проворством увернулся от резуна, откатился, схва-

тил его за крыло и с мощного размаха выкинул наружу. Умма тут же поставила сверху новый щит.

Бивилка кинулась к Олю.

– Я в порядке! – орал тот, размазывая по лицу кровь и грязь.

Резуны с разлета кидались на щиты, пробивали их с одного-двух ударов. Маги тут же ставили новые, но было ясно, что бесконечно так продолжаться не может: нетопырей было много, а запасам магической энергии имелся предел.

Маги понемногу выдыхались. Щиты становились все слабее, теперь они пробивались одним ударом. Несколько раз резуны успевали влететь в пробитую брешь – по счастью, всякий раз удавалось выкинуть животное обратно и тут же восстановить оборону.

– Заразы! – выплюнул Кинфер, спешно залатав очередную дыру. – Может, их тоже огнем?

В верхний щит снова стукнуло, снова пробив защиту.

– Свет! – воскликнул Шадек и заткнул брешь очень тонким, почти прозрачным щитом.

Его почти тут же пробили снова, но за эти несколько вздохов Оль успел наколдовать большой светящийся шар и бросить его вверх. Оль тоже вымотался, шар ярко полыхнул голубым и почти тут же потух, но резуны ненадолго разлетелись.

Бивилка хлопнула себя ладонью по лбу:

– Вода! Они мокрыми не летают!

Умма выдохнула, зажмурилась, вытянула руку, будто что-то цепляя горстью, и на нетопырей, как раз решившихся на новый бросок, выплеснулось добрых полведра озерной воды.

Большая часть разлилась, в основном на магов, но немного попало и на резунов. Они запаниковали. С полдюжины, вереща, развернулись обратно к лесу. Остальные попытались собраться для новой атаки, но еще одна светящаяся сфера, брошенная Бивилкой, и новая порция воды, которую зачерпнул из озера Кинфер, разогнали нетопырей.

Растрепанные, тяжело дышащие, мокрые маги один за другим опускались на землю вокруг потухшего костра. Над лесом серело предрассветное небо.

Оль шипел и ворчал, осторожно трогая мизинцем подсохшую кровь на губе. Кинфер безуспешно пытался распутать длинные волосы. Девушки сидели рядом, обхватив колени, тихонько переговаривались.

– Только большой город, только травоведение! – шептала Умма. Она выглядела жалко – встрепанная, растерянная, чуть не плачущая. – Никогда! Никогда никаких лесов и резунов. Пакость и жуть! Как так можно? Тебе что, совсем не страшно?

– Страшно, – призналась Бивилка, – но не до того, чтобы взять в уклон травоведение.

– Верно, – окончательно расстроилась Умма, – я совсем бесполезная.

Кинфер оставил в покое свои волосы, подсел поближе, обнял девушку.

– Не бесполезная, а умная, способная и красивая. Только пугливая очень.

Умма засопела и, кажется, решила все-таки заплакать.

У Шадека разболелась голова, он кривился и тер пальцами виски, но по сторонам смотрел внимательно. Он ждал нового подвоха. И он первым заметил высокую тощую фигуру, вразвалку бредущую по песчаной насыпи от леса.

– Это что, шутка? – спросил маг и поднялся на ноги.

Остальные тоже встали.

Гравюра, изображающая это высокое костлявое создание с жесткой светлой шерстью, имелась в фолианте Оля. Но даже там дух-людоед был назван сказочным существом!

– Вендигий, – просипела Умма и крепче вцепилась в Кинфера.

Пожиратель человеческой плоти приближался неспешно, скользящим плавным шагом. Он шел не охотиться – для этого жертва была слишком жалкой. Он намеревался поиграть со своим ранним завтраком.

Все сознавали, что вендигий много быстрее любого из них и много мощнее всех пятерых магов вместе взятых – измотанных, растерянных и напуганных молодых магов, переживших самую трудную ночь в своей жизни.

Но у них еще оставались какие-то крохи энергии.

– Его же не бывает, – у Бивилки стучали зубы, – это же неправда. Что нам делать?!

– Сосредоточиться, – серьезно ответил Шадек и хрустнул пальцами. – Сосредоточиться на жалких попытках не сдохнуть!

* * *

Они пришли в себя к полудню. Один за другим вылезали из палатки, шурились, обалдело оглядываясь, словно впервые видели опушку, деревья, другие палатки. Молча, с немymi вопросами в глазах сползли к костру, у которого сидел Дорал.

Пряча улыбку, тот потянулся за свитком, щелкнул крышкой походной чернильницы.

– Первая пятерка факультета бытовой магии, – диктовал себе вслух наставник, водя по пергаменту пером, – экзамен по оборонной магии полным составом сдали успешно.

Ученики тупо смотрели на магистра и на пергамент, быстро покрывающийся вязью, а Дорал продолжал диктовать сам себе:

– Опознание монстров, совместные действия, подбор заклинаний, сила духа – все очень достойно. У вашей связки – великолепный результат! Только боевые маги показали себя в целом лучше, но даже они не догадались использовать против вендигия молнийку – тут вы, бесспорно, на высоте. Вспомнили о замедляющих свойствах заклинания? Очень хорошо. А идея с поджиганием его шерсти? Изящно! Если бы у вас осталось больше энергии, вы бы могли одолеть вендигия, ну а так – пришлось вас усыплять, не обессудьте.

– Экзамен? – речь наконец вернулась к Шадеку.

Дорал сделал широкий мах рукой:

– Это – западный полигон. Здесь первогодки сдают экзамены по боевой магии – чем все четыре связки и занимались минувшей ночью. А мы с магистрами отвечали за монстров, контроль и оценку ваших действий.

В лесу громко щебетали птицы. В поле трещали кузнечики.

– Экзамен, – тупо повторил Шадек.

Бивилка, решительно отодвинув парня, выступила вперед. Ее щеки покрылись пятнами, глаза блестели.

– Значит, вы притащили с собой гарпий и всю эту гадость, а потом взяли и спустили их на нас?

– Не дури, Бивочка, – Умма дернула ее за рукав, – где б магистр прятал монстров? В карманах?

Бивилка нахмурилась, ничего не придумала и без всякого почтения ткнула пальцем в Дорала.

– Самое время ему сказать «Колдовство!» и развести руками.

– Это были фантомы, – Шадек сунул руки в карманы. – Да, магистр?

Дорал кивнул, улыбаясь. Он вообще пребывал в прекрасном расположении духа.

– Ничего себе фантомы! – вскинулся Оль. – Во как у меня губу разнесло от их...

– От их чего? – Магистр помахал пером туда-сюда, словно говоря, что этот номер не пройдет. – Ты сам грохнулся, резуну тебя не трогали. Да и не могли.

– Фантомная травма, – пробормотал Кинфер. – Налицо. То есть на лице.

– Во! – Шадек повернулся к Умме. – Понимаешь, что такое настоящий, толково слепленный фантом?

Умма потупилась.

– Но как же вы сумели такое подстроить? – не унимался Оль. – Как было знать, что эти двое решат передрачиться? А если б мы нормальненько проспали всю ночь в палатке, а?

– Вот такого еще ни разу не случилось за восемь лет моей работы в Школе, – Дорал аккуратно свернул пергамент, хлопнул крышку чернильницы.

Заливались птицы. Трещали кузнечики.

– Зачем? – не унималась Бивилка. – Вы представляете, что это была за ночь?

– Опасности не свойственно приходить в определенное время и место, где ты поджидаешь ее, – посерьезнев, отрезал Дорал. – Она сама будет поджидать тебя там, где угодно ей, и степень готовности отразить эту опасность не определяется отточенными плясками в учебной комнате. Лишь такой экзамен, неожиданный, дает мне возможность понять, чему я смог научить вас.

– Поэтому за все годы никто не рассказал первогодкам о секрете западного полигона, – магесса Улайла подошла тихонько, остановилась рядом с Доралом. – Когда проходит первая злость – все понимают, что это правильно. А вдобавок подобный подход позволяет раскрыть истинную сущность человека, силу духа, отношения в связке... Знаете, сколько боевых магов отсеивается на подобных экзаменах?

– Обратите внимание, – оживился Дорал, – как повел себя Шадек! В единый вздох взял роль ведущего, принимал решения, защищал друзей, и в ваших глазах его право на первенство было неоспоримым. В трудных условиях вы доверились ему. А почему? А потому что, как я всегда говорил, этот парень очень ответственный, просто сам еще этого не знает.

Шадек фыркнул и отвернулся. Улайла кивнула:

– Талантливый, умный, упертый. Один из самых способных магов, что приходили в Школу на моей памяти. Будем считать твою лень, отсутствие целей и, к слову, отказ от изучения уклонов противовесом сильному дару. Будь ты тщеславным и целеустремленным, я бы постаралась вышвырнуть тебя из Школы, чтобы не вырастить ходячую опасность для мира.

– Выходит, я такой талантливый, то это извиняет мое раздолбайство? – оживился Шадек и обернулся к Бивилке. Та засопела и опустила глаза. – Ты все слышала? Вот и конец этим вечным спорам, кто из нас сильнее. Но я не держу зла за все твои выпады, дорогуша, и в знак примирения готов разрешить поклоняться мне!

– Ненавижу тебя, – бессильно призналась девушка и опустила голову еще ниже.

– Я знаю, в переводе с девичьего это значит «Я тебя люблю, но ты свинья».

Бивилка застонала, закрыла лицо ладошками и метнулась в палатку. Шадек почесал затылок и отправился следом.

– Магистр, – окликнул Оль.

Дорал обернулся.

– Получается, ночью вам четыре связки экзамен сдавали – это ж двадцать человек бегали по лесу от фантомов. И как вам удалось за всеми уследить? Да еще сделать так, чтоб мы друг друга не видали и не слышали, а?

– Колдовство! – ответил Дорал, улыбнулся и развел руками.

На излом (месяц после выпуска)

– Вот ты где.

На стол, где устроился с ужином усталый орк, упала ломкая тень. Орк поднял блеклые глаза с покрасневшими белками и криво улыбнулся в темные с проседью усы.

– Мое почтение, магистр. Давно вернулся?

Тень не шевельнулась. Темные глаза смотрели сердито.

– Утром. Я искал тебя, Тумаг.

Орк поставил локти на стол, переплел пальцы. Движения его были тяжелыми, медленными.

– Да я не прятался. Вот он, я.

– Ты что с девочкой сделал, Тумаг?

Орк подвигал челюстью взад-вперед. Мелькнули крупные неровные зубы.

– А что ты на меня волчищем смотришь, магистр? Я к тебе пришел. Я тебя спросил: есть толковый искатель под рукой? Ты сам ее ко мне привел. А теперь глядишь так, будто я ее украл.

– Тумаг, я просил ее беречь. А ты что сделал?

– Я берег. Хотя вообще-то я не нянька.

Мужчина нависал над столом, буравя глазами орка, тот угрюмо глядел исподлобья.

– Ну хорошо, – магистр ногой выдвинул стул, уселся, сложил руки на груди. – Давай рассказывай, как угробил мою любимую ученицу.

– Нечего рассказывать! – Орк стукнул кружкой и на стол плеснул эль. – Я делал свое дело, все делали свое дело, и девочка твоя – тоже! Тяжко обернулось? Тяжко. Моя вина? Не моя. С виду была обычная история: мага свернуло с пути, понесло по кочкам, ну бывает, случается. Наша работа какая? Отыскать, скрутить, доставить. Кто ж знал, что там такое?

– Рассказывай, – повторил мужчина, цедя слова сквозь зубы.

Тумаг тоже сложил руки на груди.

– Я тебе баечник? Девочку расспроси.

– Не могу.

Орк молча смотрел, ждал.

– Не могу, – повторил мужчина. – Она уехала. Ничего не объясняла, оставила мне записку, что не может быть искателем. Для нее уже назначение было готово, а она... Вот так.

– Не может быть искателем? – переспросил орк. – Кто ее спрашивает? Она уже искатель. Куда она убежит-то от этого?

Мужчина пожал плечами, сник.

– Тумаг, я хочу знать, что там случилось.

– Ты без меня знаешь. Все знают. Много шума было.

– Я не слушал шум. Я только вернулся из Алоники. Я хочу правду, а не слухи, и из первых рук. В подробностях.

Орк долго молчал, постукивал ногой по полу, потом махнул рукой и подвинул кувшин на середину стола.

– Паршивая история вышла, Дорал. Ты наливай себе тоже. Я расскажу.

* * *

Я думал, это будет прогулка. Неприятная – что ж хорошего, когда маг начинает творить безобразия? Неприятная, да. Но недолгая, не трудная и уж тем более без гнусных подарочков. А вышла одна из самых паскудных историй в моей жизни.

Нам требовался хороший искатель, потому как деревушка была далеко на юге. Кто знал, чего может натворить пришибленный маг, пока мы до него доберемся?

Молодой парнишка, самоучка из большой деревни. Жил да не тужил, ходил через порталы, работал на общинном поле, делал травяные составы. А потом у него чердак сорвало. Причем к тому вздоху, как нас известили, что дело дрянное, он уже разошелся так, что лишь держись! Ты ж знаешь, как это бывает.

Ну что, взял я твою девочку, взял трех боевых, да поехали.

Когда добрались до деревни, там уже творилось не пойми что. Маг на людей бросался, животину обижал. Слово ему поперек сказать боялись, потому как с теми, кто пытался, непременно случалось плохое. Кого дворовая собака порвала, сбесившись. Кто язвами покрывался, криком исходил...

К тому времени, как мы доскакали до деревушки, парнишка то ли прознал, то ли просто понял, что нельзя ему оставаться. Спалил хату деревенского головы вместе с самим головой, да и сбежал. Соседского младенца забрал из колыбели, совсем крохотулечный был ребяенок, даже имя ему дать не успели.

Девочка твоя считала у перепуганных сельчан образ и повела нас. И вот мы скачем-скачем, а ближе не становимся. Уходит от нас, зараза. Кругами водит. Мы сначала не понимали, отчего не можем изловить самоучку. Что может вполсильный, обученный Картами маг?

Ну, он нам показал. Фантомы воротил. И не простые, Дорал!

Случаются кошмарные сны, до того настоящие, что нельзя не поверить. Это было похоже. И все его иллюзии слоились.

Это знаешь, как? Будто просыпаешься от кошмара, что был до одури похож на правду, и понимаешь – все-таки сон. Но еще ходишь по дому и кажется, будто вот-вот натолкнешься на что-нибудь из того, что привиделось, уж очень настоящим оно казалось во сне. Боишься обернуться, открыть двери, отдернуть занавесь. Кажется, будто глядит кто-то. Что вот-вот...

А потом случается иная дрянь, и ты мечешься, мечешься, а потом понимаешь: да такого не могло быть, просто не могло! – и пробуждаешься снова. Кошмар в кошмаре. И тогда уже не можешь понять: в этот раз ты по-настоящему проснулся или снова спишь и видишь дурной сон?

Вот такие у него были фантомы. Ох, Дорал, чего мы там насмотрелись!

Пригорки, на которые мы въезжали, оборачивались гигантскими мокрицами. Набранная в ручьях вода становилась гноем. Небо трепыхалось будто одеяло, которое трясли демоновы руки, с него сыпались звезды и падали вниз, на лету обращаясь в слепящий звук. Не фыркай. Тонкий мерзотный звук, а после него опускается тьма.

Мы ходили через красный кисель, который мучал кожу сухим жаром, потом оказывались в дрожащем студне, затем среди громадных водорослей, после был дождь из потрохов, а потом...

Были фантомы, замаскированные другими фантомами, и действительность, которая притворялась иллюзией. Мы могли въехать в лес, думая, что движемся по полю. Однажды чуть не сверзились в овраг, который прикидывался речкой.

Мы бы не продрались через эти иллюзии сами или сошли бы с ума, заплутав. Твоя девочка нас вела через все это помешательство. День за днем. Мы временами не понимали: идем по настоящему миру или по больному сознанию этого паршивца.

И ты понимаешь, эта сволота все время держалась где-то рядом, нельзя же питать фантомы издали. Хитрый, гадина, как лисица. Вот-вот хвост промелькнет, вроде как временами ты видишь его краем глаза, но никогда не уверен.

И ребяенок плакал среди всего этого, мы временами слышали. Жалобно так заходился, отчаянно. Ох, как нас это злило, Дорал! Он мучает дите, а мы все не можем до него добраться. Мы тогда еще не поняли, зачем он ребяенка с собой потащил.

А твоя девочка все вела нас. Как по нитке. Труднее всех ей было, если по правде. Мы четверо терялись в месиве из настоящего мира и фантомов, а она во всем этом еще выглядывала его след. Он петлял так же, как эти видения, он терялся, истончался, снова вылезал... Она жила среди кошмаров, даже во сне.

Не смотри так на меня. Я ее поддерживал, как мог, хотя что я мог?

Она не ныла, ты не думай.

Вот так мы его гнали до самой Меравии, все не могли пробиться через эти скопища иллюзий. И никак не могли понять, где он берет столько энергии, чтобы создавать и поддерживать их. Чтобы устроить подобное, нужна целая армия магов, да и та вскоре упала бы без сил. Самоучка не мог делать сотой доли того, что мы видели. Мы ничего не понимали, у нас не было сил, чтобы строить догадки, потому что весь мир вокруг нас стал одним большим помешательством.

Несколько раз мы находили мертвые тела – два раза были подлетки, один раз женщина и один раз девчушка. Потом оказалось, тела настоящие, но тогда мы ни в чем уверены не были.

И тут твоя девочка, а она уже тогда на тень походила, вдруг говорит: а ведь аура тоже искажается иллюзией. Похоже, очень похоже, сразу не разобрать во всем этом месиве, но следы разные. Их двое было, двое, представляешь? Никогда бы нам без нее не понять. Очень сильный искатель, очень! И как она в том состоянии что-то соображала еще? Не понимаю. Скала, не девчонка!

Словом, Дорал, у них реликвия была. Творила и держала иллюзии, одну за другой, как озверелая. Перезарядить они ее не сумели, но, пока работала, питали долго.

Когда эта дрянь наконец выдохлась – твоя девочка нас быстро к ним привела. Как она держалась – я не понимаю. Знала, что надо, и держалась. Почти не спала к тому времени несколько дней, только заснет – ее тут же одолевают видения. Так что не спала и ничего не ела, то и дело у нее кровь носом шла. Жуть. Я ее, считай, на себе волок.

Она довела нас до западного предела Меравии, до подножья Драконовой горы. Там мы этих гадов скрутили в пещере. Один из них некромантом был. Не парнишка, а тот, второй маг. Ребяенка выжал, питая реликвию, а потом, когда тот помер, поднял и дожимал из него какие-то крохи. Представляешь? Мертвяга-младенец.

Ох и досталось им, я тебе скажу. Все мы им припомнили: и ту первую деревеньку, и трупы по дороге, и свои видения. И за перерожденного ребяенка отдельно отсыпали. Девочка твоя сама его упокоила. А потом села подле тельца, взяла его за ручку, да так и сидела, пока мы этими гадюками стены обтесывали.

Про нас никто не скажет, что мы не чтим общинных законов. Доставили обоих в целости и со всей возможной быстротой. Не Божиня весть в какой сохранности – это да, но мы очень злыми были. Повезли этих сволот в меравийскую Школу, до нее было всего полдня пути, да и лаборатория некромантская, хотя вроде общая, а стоит все-таки на их земле, а не на нашей.

Там и судилище вышло. Парнишку на плаху определили. А некроманта отпустили.

Отпустили, не смотри так на меня. Оказалось, он не беглый и не придурочный, а имеет должность в некромантской лаборатории под началом колдуна, который вот-вот научится закреплять остатки аур зомбарей. Потому они и рвались в горы Драконовы, в лабораторию шли. Дошли бы – парнишку тоже могли бы отбить. Но не успели... На судилище колдун за своего сопляка вступился, а там и обе Школы такой вой подняли! Так что некромант отделался

заклчением в своей лаборатории. Пятнадцать лет без права уходить дальше горы Драконо-вой. Но на деле – сам понимаешь. Показаться на дорогах Меравии он не сможет, а вот если в Даэли сбежит – никто не узнает, а и узнает – не почешется.

Вот что сломало твою девочку, Дорал. Не погоня, не фантомы и даже не мертвяга-ребя-тенек. А то, что этого гада отпустили. Он таких дел натворил – она ж видела это все. Едва себя не угробила, чтобы поймать эту погань. А его отпустили.

И кто ей такую подлюченьку подсунул? Своя же Школа. Которая твою девочку растила, воспитывала и шесть лет говорила ей про маговский долг.

Такое вот получилось дело. Нет моей вины. Я не знал, куда приведет эта история, а только выходит так, что без девочки мы бы не справились. Не всякий другой искатель нашел бы эту сволоту, не всякий бы стал так выкладываться. И одной гадине из двух все-таки башку отру-били.

Вот и скажи мне: радоваться или печалиться, что твоя девочка с нами поехала?

Пойдем, Дорал. Смеркается. Теперь-то чего уж.

И знаешь, что? Я после этой заразной истории зарекся возить некромантов на судилища. Если случится какому из них напаскудить и попасть ко мне в руки – живцом не уйдет. А больше я ничего сделать не могу. Ты же знаешь.

Воплощение (четыре месяца после выпуска)

Вы предложили Школе взять на перо всех магов Орта, включая приезжих, переезжих и самоучек. Вы тут с ума посходили? Это все равно как если бы жрецы отвечали за действия каждого человека, умеющего читать. К тому же школьная канцелярия не успевает справляться даже с отчетами гласников!

Не переоценивайте возможности магии. Не так часто любимым детям Божинным случается натворить непоправимого, а на такие случаи в Ортае имеются законы и судилища. Не вижу дурного в желании магов избирать свой собственный путь.

Из выступления ректора в столичном совете

Лучше бы она громила все вокруг.

Ефима собиралась спокойно и деловито, как будто сверяясь с невидимым списком у себя в голове. Может, и в самом деле соорудила его: несколько раз Хон ловил ее сосредоточенный взгляд, обращенный в один и тот же угол. Но было непонятно, то ли это случайность, то ли там и впрямь висит видимый только Ефиме фантом.

Фантомный список необходимых вещей? Вполне в ее духе. Она любила эксперименты с бытовой магией. Да и с другой тоже.

Лучше бы она рвала эти вещи на куски и швыряла на пол.

Ефима собиралась очень быстро: укладывала необходимые в дороге мелочи в котомку, остальное – в сундучок. Тот заполнился всего наполовину. Удивительно, как мало вещей у нее скопилось за четыре года!

Она не старалась тянуть время, чтобы он смог прочувствовать всю глубину случившегося, успеть остановить ее. Да он и не сумел бы. Не потому, что не хватило бы времени теперь, а потому что его не хватало раньше. Теперь-то уж что.

Она решила. Значит, остановить ее может разве что смерть, или каменная стена, или отряд наемников с самострелами. Причем стена и наемники – лишь ненадолго.

Иногда Ефима натывалась взглядом на Хона, безотчетно и пусто улыбалась. Эмоций в ее глазах было не больше, как если бы на стуле восседал не Хон, а пустой тулуп.

Лучше бы она избегала смотреть на него.

Уложив в сундук последнюю склянку, Ефима снова вперила взгляд в угол. То ли сверялась со списком, то ли вспоминала, не забыла ли чего. Хон не сводил с нее глаз. Хотя ни на что не надеялся.

Ефима в последний раз рассеянно мазнула по нему взглядом, снова отсутствующе-пусто улыбнулась и направилась к двери. Котомку она повесила на плечо, сундук плыл следом. Она не обернулась. Не потому, что наказывала его, – просто было незачем.

Хон закрыл глаза.

Лучше бы она еще испытывала к нему хоть что-нибудь. Злость, ненависть, да пусть даже презрение.

Что угодно.

* * *

– Коврижку? – Наместник гостеприимно подвинул плетенку поближе к Хону. Тот потянул носом и аж зажмурился от вкусного медового запаха.

Через занавесь дикого винограда на дощатую террасу лился солнечный свет – утренний, мягкий. Поглаживал теплыми пальцами столики и еду-питье на них, плетеные стулья, сухие доски пола и полотняную шторку, что прикрывала наместников кабинет от жары и от мух.

Жаль, что его стряпуха не кладет в коврижки орехов: утверждает, что эти гномские затеи – излишества или, говоря стряпухиным языком, «Не пойми чего удумки». Хон считал, что ей просто лень возиться.

Он отпил глоток отвара из малины и впился зубами в коврижку. Восхитительно!

Наместник, Террибар, с одобрением следил, как старшина городской стражи поглощает печево.

– Еще бери, – подбодрил наместник. – А то, гляжу, совсем с лица спал за эти дни. Посмурнел, побледнел. Отощал. Скоро сможешь за мною прятаться.

– Не дожжешпса, – невнятно прочавкал оркоподобный Хон и повел широченными плечами. Проглотил кусок и добавил: – Таких, как ты, за меня троих спрятать можно, Террий.

Наместник, молодой, тонкий, шустроглазый, выглядел рядом с Хоном как куница, при-мостившаяся подле медведя. Пучок солнечного света попадал через листву на его щеку и темные волосы, вылавливал в коротких темных кудрях медные сполохи.

– Панибратствуешь, – укорил Террибар.

Старшина стражи фыркнул. А как официализничать с человеком, который моложе тебя на десять лет и с которым отношения почти дружеские? Даже если по форме один другому подчиняется.

К тому же Террибар никогда не задира нос. Молодой, а толковый. Понимает, что одно дело делаем, что в мире надо жить, подходы искать, отношения налаживать.

– Еще кружечку? – Наместник поднял кувшин, долил отвара себе и старшине стражи.

Хон взял из плетенки новый кусок печева.

Ефима всегда добавляла орехи в коврижки, не ленилась возиться. Напротив, она всегда говорила: если мельчить орехи в ступке, при этом думая о ком-то неприятном, то занятие тут же обретает смысл и дело движется споро.

В последние месяцы Ефима не пекла коврижек. Оно и к лучшему: Хон очень хорошо понимал, чье лицо она бы представляла на дне ступки. А печево наместниковой стряпухи и без орехов получилось замечательным.

Террибар тоже потянулся к плетенке.

– Люблю утро, – поделился он. – Неспешный завтрак, свежий воздух, солнце мягкое. Можно выпить две-три кружки отвара, не забивая голову никакими делами.

Хон учтиво угукнул, хотя прекрасно знал, что наместник не расстается с заботами о городе ни на вздох, даже во сне. Слишком серьезными были его обязательства, слишком многим не по душе недавнее назначение, и совсем уж без меры запущенным – Мошук, город, во главе которого встал Террибар.

Весь восточный Ортай знал, что приниматься за спасение города нужно было еще десять лет назад. Предыдущий наместник многие годы занимался сплошным вредительством и попустительством, при нем безнадежно захирело даже лозоплетение, которым в былые времена Мошук славился на весь Ортай. Люди слонялись без работы и грызлись между собой, город обрастал грязью и безнадежностью, многие семьями разъезжались по родственникам, оставшиеся не видели надежды на лучшее.

И кто же был в силах спасти Мошук от умирания, вернуть утраченное, наладить забытое, найти потерянное? Террибар? Вот этот сопляк, едва разменявший третий десяток? Выходец из южного Ортая, ничего не понимающий в лозоплетении?

И все-таки у него получалось. Понемногу, постепенно. Первые подвижки уже были видны: чистые улицы, налаженная торговля с соседними селениями, собственный мошукский птичник. С помощью городского мага вычистили плантации вербы от травы, разросшихся

пеньков, долгоносика и мавок-визгляков. И, хотя все понимали, что сделать предстоит еще очень много, люди стали глядеть веселей.

У Террибара были замечательные помощники. Мудрые, зрелые, рассудительные – такие как Хон. Или вот такие, как городской маг, недавний выпускник Школы. Он был даже моложе Террибара, а в Мошук прибыл всего четыре месяца назад, однако сумел поставить себя так, что с ним и считались всерьез, и советовались охотно.

Почти все. Почти.

– Отвары гоняете, значит? – Легкий на помине, маг выглянул из-за полотняной шторы.

– Заходи, Оль, – махнул рукой наместник и подхватил со столика в углу еще одну глиняную чашку, – подсаживайся. У нас сегодня дивные коврижки!

Маг потер ладони и уселся за стол.

Был он невысокий, плотненький, с добродушным круглым лицом и светлыми волосами. С первого взгляда заподозрить в нем мага было решительно невозможно. Со второго, третьего и далее – тоже. Мошукский гласник походил на молочника, пекаря, сапожника – кого угодно, только не на мага.

Оль в самом деле происходил из семьи пекарей, был сыном незамужней женщины и заезжего молодца. То, что молодец был магом, стало понятно не скоро – только когда Оль подрос и стал проявлять не абы какие способности.

Достаточные, чтобы в двадцать лет окончить обучение и получить должность гласника – городского мага, назначенного Школой. И спокойно, обстоятельно, без всякой, упаси Божия, злобы, показать окружающим, что место свое занял не зря.

Теперь Оля в Мошуке ценили, очень уважали и даже любили, пожалуй. Почти все.

– Как твои дела? – поинтересовался маг, обернувшись к старшине стражи. – Где пропадал-то? Как сам, как жена?

Ефима молодого мага на дух не выносила. Хон считал, что совершенно напрасно.

Оль ее тоже не терпел. Хон признавал, что не без причин.

– Ефима ушла от меня, – ровным голосом произнес он и с вдумчивым интересом стал изучать кусок ковриги. – И уехала из города. Навсегда.

Террибар смущенно прочистил горло. Он-то, в отличие от Оля, знал, где Хон был в последние дни. В кабаке, вот где. Не то чтобы напивался – сосредоточенно и мрачно поддерживал состояние среднего опьянения, ни с кем не говорил и подолгу изучал огонь в очаге.

– О как, – Оль тоже смутился на вздох, но все-таки не удержался, уточнил: – Так тебе сострадание выразить или поздравить?

Хон отправил в рот последний кусок ковриги.

– Еще не решил, – признался он. – Но в лоб зарядить за такие вопросы уже могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.